

ОБЯЗАТЕЛЬНО К ПРОЧТЕНИЮ. **FORBES**

ОДНА ИЗ ЛУЧШИХ КНИГ ГОДА. **KIRKUS**

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ РОЙ

ЕСТЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ ОБЩЕСТВА

Марк Моффетт

автор бестселлера «Приключения среди муравьев»

Марк Моффетт

**Человеческий рой.
Естественная история общества**

«Азбука-Аттикус»

2018

УДК 316.3+591.55
ББК 60.54+28.680.5

Моффетт М.

Человеческий рой. Естественная история общества /
М. Моффетт — «Азбука-Аттикус», 2018

ISBN 978-5-389-22230-4

«Эта книга посвящена захватывающей и важной для любого человека теме – осознанию себя как части общества и рассмотрению самого феномена общества под лупой эволюционных процессов в животном мире. Марк Моффетт сравнивает человеческое общество с социальными образованиями общественных насекомых, и эти сравнения вполне уместны. И его последующий интерес к устройству социальных систем у широкого круга позвоночных, от рыб до человекообразных обезьян, не случаен. Как эволюциониста, его интересы связаны с выявлением причин и факторов, влияющих на трансформации социального поведения у разных таксонов, роли экологии в усложнении общественных связей, с поиском связей между морфологическими и психологическими преобразованиями, в конечном итоге приведших к возникновению нашего вида. Человека разумного, уникального в своем развитии речи, культуры, техники и искусства. Уникального в стремлении к познанию тайн бескрайней вселенной... Но продолжающего оставаться беззащитным в мире конфликтов и насилия, порожденном им же самим». (М. Л. Бутовская) «Несмотря на то что человечество перешло от небольших обществ к огромным, мы сохранили сверхъестественную способность понимать, кто им соответствует, а кто – нет. Хорошо это или плохо, но по причинам, которые я надеюсь прояснить, отличительные признаки остаются, наряду с такими же явными и зачастую разрушительными различиями, существующими внутри самих обществ. То, как мы подходим к рассмотрению сходств и отличий, определяет природу и будущее обществ». (Марк Моффетт) В формате PDF А4 сохранён издательский дизайн.

УДК 316.3+591.55

ББК 60.54+28.680.5

ISBN 978-5-389-22230-4

© Мофферт М., 2018

© Азбука-Аттикус, 2018

Содержание

Предисловие научного редактора	8
Введение	12
Предстоящее путешествие	18
Часть I	23
1	23
Что нас сплачивает	25
Общества, которые ладят друг с другом	29
Сотрудничество без сообществ	30
2	33
Преимущества сообществ для млекопитающих	35
Отношения внутри сообщества	37
3	40
Вместе или порознь	42
Меняющиеся привязанности	44
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Марк Моффетт

Человеческий рой.

Естественная история общества

Я посвящаю эту книгу трем замечательным людям.

Прежде всего моему наставнику Эдварду Уилсону – его поэтический дух, десятки лет работы по установлению взаимосвязей между разными областями науки и неустанная поддержка при построении стольких карьер, в том числе и моей необычной, вызывают благоговейный трепет

Недавно ушедшему великому Ирвину Девору, который воспитывал критическое мышление у целых поколений антропологов и проводил часы в беседах с Эдвардом Уилсоном

Мелиссе Уэллс, моей великолепной жене и партнеру, которая верит в меня

– Стало быть, как раз это и служило нашим правителям пределом для необходимой величины устраиваемого ими государства; и соответственно его размерам они и определяют ему количество земли, не посягая на большее.

– О каком пределе ты говоришь?

– По-моему, вот о каком: государство можно увеличивать лишь до тех пор, пока оно не перестает быть единым, но не более этого.

– Прекрасно.

Платон. Государство (пер. с др. – греч. А. Н. Егунова)

Mark Moffett
THE HUMAN SWARM
How Our Societies Arise, Thrive, and Fall

Научный редактор М. Л. Бутовская, д. и. н., профессор, член-корр. РАН, зав. центром кросс-культурной психологии и этологии человека Института этнологии и антропологии РАН

© Mark W. Moffett, 2018

© Левензон С. М., перевод на русский язык, 2022

© Бутовская М. Л., предисловие, 2022

© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2022

КоЛибри®

* * *

В последней четверти века появился жанр Большой истории, который включает такие эпические книги, как «Ружья, микробы и сталь: история человеческих сообществ» Джаред Даймонда, «Лучшее в нас: почему насилия в мире стало меньше» Стивена Пинкера и «Sapiens: краткая история человечества» Юваля Ной Харари. «Человеческому рою» Марка Моффетта суждено войти в будущие перечни подобных книг, которые не только дополняют наше понимание того, кто мы есть, как мы сюда попали и куда движемся, но и меняют наше представление о том, как мы вписываемся в

более крупную картину жизни на Земле. Авторитетная работа колоссальной важности.

Майкл Шермер, историк, популяризатор науки, обозреватель Scientific American

Удивительные идеи, многие из них парадоксальны. Изумительные рассказы Марка Моффетта о сообществах животных убедили меня, что будущее человеческих городов предсказано муравьями. Прочитайте этот манифест, если хотите, чтобы ваше мышление изменилось.

Кевин Келли, основатель Wired Magazine и автор книги «Неизбежно. 12 технологических трендов, которые определяют наше будущее»

Эта книга, написанная биологом, должна увлечь любого вдумчивого читателя и заслуживает того, чтобы ее приняли одинаково всерьез как психологи, так и специалисты в области общественных наук.

Рой Баумайстер, социальный психолог

Homo sapiens – это социальное животное, образующее малые группы, которое, казалось бы, физически ограничено персональными взаимоотношениями с несколькими индивидами. Тем не менее человечество пытается справиться с обществами, состоящими из миллиардов людей, в то время как человеческие технологии теперь представляют собой экзистенциальную угрозу, связанную с такой численностью. В «Человеческом рое» Марк Моффетт представляет интригующий обзор биологических истоков и культурной эволюции существующей сегодня критической ситуации.

Пол Р. Эрлих, биолог, профессор Стэнфордского университета

Представляющая собой глубокое исследование (автор ссылается более чем на тысячу книг и журналов в примечаниях) и занимательная книга «Человеческий рой» – это превосходная работа... Моффетт изучает обширное интеллектуальное поле, чтобы разобраться в сообществах разных видов животных и обществах предков человека и современных людей.

The Sun

Рекомендуется к прочтению, чтобы понять, «как мы попали в такую переделку».

Эми Тань, New York Times

Предисловие научного редактора

Книга «Человеческий рой» посвящена захватывающей и важной для любого человека теме – осознанию себя как части общества и рассмотрению самого феномена общества под лупой эволюционных процессов в животном мире. Марк Моффетт – ученый-биолог, занимающийся изучением общественных насекомых. Немаловажным обстоятельством, подтолкнувшим его на написание книги о сути сообществ, простых и сложных, животных и человеческих, вероятно, следует считать ее величество Удачу: наставником (о чем он сам пишет в своей книге) оказался сам Эдвард Уилсон, основоположник социобиологии и один из крупнейших популяризаторов науки второй половины XX – начала XXI в. Интерес Моффетта к природе общества и его сущностных свойств, таким образом, унаследован в период становления Моффетта как ученого. От своего наставника автор заимствовал представления о сходстве социальной организации общественных насекомых и человека. А его размышления о месте человека в природе и сути человеческого поведения во многом перекликаются с мыслями самого Эдварда Уилсона¹. Моффетт пишет о сходстве и различии социальных объединений обезьян, прежде всего человекообразных, и человека, об эволюционных путях и трансформациях, происходящих с обществом в процессе гоминизации, о роли языка и сознания в формировании культурных норм и традиций, обеспечивающих уникальность каждого человеческого общества. И в этих размышлениях также ощущается незримое присутствие Уилсона².

Впрочем, Марк Моффетт идет своим путем, углубляясь в размышления о трансформациях человеческих обществ от простых к сложным, о сложностях функционирования больших анонимных обществ в прошлом и настоящем, о развитии идентичности в условиях государственных образований, включающих представителей множества этносов и рас. Эти вопросы он обсуждает во многом скорее как дилетант, погружившийся в антропологию, как популяризатор науки, пытливо и вдумчиво проводящий время в беседах со всемирно известными антропологами. Книга представляет собой увлекательное путешествие в далекое прошлое человечества, в разные исторические периоды, включая современность, а также по странам и континентам.

Далеко не все размышления автора мне представляются безупречными, часть идей спорными или вовсе не согласующимися с моими собственными убеждениями и установками. Тем не менее книга заставляет активно размышлять как на фундаментальные темы эволюции животного мира, так и о месте человека в природе. Автору удалось показать колоссальное разнообразие культурных норм и моральных правил у людей, занимающихся охотой и собирательством, земледелием и скотоводством, от простых, эгалитарных до сложных государственных образований и надгосударственных объединений, сформированных с целью унификации политических и экономических установок и правил поведения.

Человеку индустриального общества, к каковому, несомненно, относится читатель этой книги, необычайно сложно бывает понять детали повседневной жизни и мировоззрений представителей традиционных обществ. Люди далекие от антропологии, этнографии и истории могут даже заподозрить автора в некоторой попытке приукрасить повествование, чтобы добавить книге приключенческий оттенок. Однако мне представляется, что автор ни на минуту не отклоняется в сторону от намеченной им самим просветительской миссии. Как этолога и антрополога с биологическим образованием, мой собственный опыт общения с охотниками-собирающими, мотыжными земледельцами и пастушескими культурами Восточной и Южной Африки, городским и сельским населением Египта, Таиланда, Индонезии и многих

---

¹ *Wilson E. O. Sociobiology: The new synthesis. Harvard University Press, 2000; Wilson E. O. Organization of insect societies: from genome to sociocomplexity. Harvard University Press, 2009; Wilson E. O. Biophilia. Harvard University Press, 1984.*

² *Lumsden C. J. & Wilson E. O. Genes, mind, and culture – The coevolutionary process. World Scientific, 2005.*

других стран созвучен размышлениям Моффетта на страницах этой книги. Повествования Моффетта непосредственно затронули обсуждение жизни народов, с которыми мне приходилось и приходится работать в настоящее время (хадза, датого, масаи). Вот почему знакомство с книгой пробудило во мне ощущение живой сопричастности. В памяти всплыли сцены жизни этих людей, ясно проступили запахи и звуки.

Будучи, казалось бы, готовой к самым невероятным проявлениям поведенческого разнообразия на фоне единых универсальных установок в отношении стратегий социальной интеграции, репродуктивного поведения, родительской заботы и взаимоотношений между представителями разных возрастных групп, по истечении множества полевых сезонов в прошедшие десятилетия я не устаю поражаться новым фактам из реальной жизни. Путешествия по Африке (прежде всего речь идет о Танзании) все больше убеждают меня в единстве человеческой природы, поразительном сходстве всех людей, независимо от расы, культуры, конфессии и уровня образования. В лицах моих друзей из племени датого (Северная Танзания) я узнаю лица моих школьных друзей. В облике матери нашего египетского друга – знакомые черты милой соседки по дому, угощавшей меня в детстве печеными вкусностями. Облик и добрая улыбка сельского учителя хая с озера Виктория воскрешают давние воспоминания о друге нашей семьи, любившем рассказывать удивительные истории из своей необычной жизни.

Что ощущает человек, попадая в совершенно далекую в расовом и культурном плане среду? Страх? Тревогу и дискомфорт? Любопытство? Как долго сохраняется у нас ощущение инаковости, дистанции от принимающей культуры, по-научному именуемое культурным шоком? Впервые попав в Танзанию с моим мужем в 2003 г., мы были поражены тем фактом, как быстро перестали замечать цвет кожи окружающих людей и отличия в повседневном общении. Не меньшее удивление вызвал и тот факт, что беседы с хадза (бродячие охотники-собиратели), продолжавшими по сию пору вести традиционный образ жизни, были зачастую наполнены философским содержанием. Удивительным было и то, что логика наших научных аргументаций далеко не всегда обеспечивала нам преимущества в постоянно возникающих дискуссиях на жизненно важные темы. Проведя долгие месяцы в обществе датого (пастушеское племя), наблюдая их повседневную жизнь и различные церемонии, начинаешь смотреть на мир их глазами и видеть логику в происходящем. Нет, я не стану утверждать, что со временем я стала датого, изменив свою культурную идентичность. Однако взгляды мои на поведение людей и нормы, принятые в столь отличных от нашего «неевропейских» обществах, претерпели существенную трансформацию. Увиденное и услышанное мною в этих экспедициях, пропущенное через сознание, дало поразительный суммарный эффект. Со всей яркостью выкристаллизовалось понимание относительности устоявшихся стереотипных представлений о том, что «правильно» и что «подлежит искоренению», о причинах, по которым многие незападные культуры сопротивляются принятию западных ценностей и установок как единственно возможных в плане общественной организации, семьи, гендерных и возрастных отношений.

Погружение в иную культурную среду таит много открытий, и далеко не все они связаны с ощущением безусловного превосходства современной цивилизации. До настоящего времени датого сохранили внятное представление о том, каково значение большинства проводимых церемоний, и многие собеседники видели интегрирующую для их общества составляющую таких действий. Датогское общество, с точки зрения антропологов, эгалитарно, поскольку не имеет четкой вертикали власти. Важные решения принимаются преимущественно на собраниях местных общин или клановых собраниях, тогда как сходы с участием всех датогских общин – явление исключительно редкое, преимущественно связанное с глобальными катаклизмами – массовым переселением датого с конкретной территории, военными конфликтами с соседними племенами (сукума и масаями). Датого предпочитают не обращаться в случае возникающих семейных ссор и разборок, а также конфликтных ситуаций между соседями (и

даже криминальных историй, сопряженных с нанесением травм и увечий, или кражи скота) в полицию, решая возникшую проблему на своих общинных собраниях.

На фоне активных призывов к развитию инициативы снизу по вопросам местного самоуправления, всячески продвигаемых в западных странах, эффективность подобных датогских собраний искренне восхищает. Собрание функционирует как единый организм, все участники с детства знакомы с правилами поведения и санкциями, которые незамедлительно будут предъявлены в отношении нарушителей. В частности, никто не может опаздывать на собрание, назначенное на определенное время суток. Истец и ответчик аргументируют свои действия. Каждый датоба имеет право голоса и может высказывать свое отношение по поводу возникшего конфликта. Родственники провинившегося, с одной стороны, готовы прийти ему на помощь, с другой – стараются «не покрывать преступившего закон», поскольку в этом случае автоматически становятся сами соучастниками. Разумеется, на протяжении многих лет работы с датоба я неизменно оказывалась участником таких собраний и со временем стала воспринимать их как важный источник информации об основах, цементирующих это общество и свидетельствующих о его эффективном функционировании в наши дни. Логика принимаемых решений кристально прозрачна и не позволяет двойных трактовок: все датоба прежде всего – члены единого общества, это общество предлагает защиту и покровительство в минуты опасности и лишений, так что нарушение моральных норм и правил сродни приговору.

Приведу один из примеров. Мужчина-датоба примерно сорокалетнего возраста отказался выполнять просьбу своего отца. Тот просил его выделить для церемониальных нужд быка из своего стада. Просьба вполне обычная, поскольку церемонии проходят регулярно и каждый датоба связан обязательствами перед кланом и соседской общиной предоставлять ритуальных животных (баранов и быков), когда к нему обращаются с такой просьбой. Между тем, когда посланцы отца, молодые мужчины, прибыли забрать быка, означенный человек проявил агрессию. Он не только не дал увести быка, но и угрожал копьем посетителям. Те вернулись ни с чем. Быка выделил другой родственник, но дело не было замято. В срочном порядке созвали собрание мужчин клана. Молодых воинов вновь отрядили к нарушителю, снабдив четкими инструкциями к действию. Прибыв, те не стали вступать в какие-либо пререкания с хозяином. Часть делегации отправилась к стаду и деловито отделила от него быка, а также несколько коров (последних в виде штрафа за доставленные хлопоты окружающим) и отправилась с ними в обратную дорогу. Вторая группа учинила судилище. Провинившегося выпороли сыромятными ремнями и отнесли в мужской дом на его подворье. В силу возникшей временной недееспособности несколько мужчин остались помогать с выпасом стада и ухаживать за избитым сородичем. Спину смазывали лечебными настоями. Чтобы здоровье быстрее восстанавливалось, пострадавшего регулярно поили мясным супом. Когда раны затянулись и мужчина смог самостоятельно присматривать за скотом, посетители покинули его подворье и известили родственников о том, что поручение было успешно выполнено. С этого момента послушник вновь становился равноправным членом клана. Но не для отца. Отец на протяжении многих месяцев отказывался принимать виновника в своем подворье и отсылал своих жен с предупреждением навстречу идущему мириться сыну. Жены, впрочем, проявляли некоторое милосердие, стараясь выступить посредниками в переговорах отца и сына, и убеждали мужа простить послушника. Но отец оставался непреклонен долгое время, поясняя, что сын опозорил не только себя, но и честное имя родителя. К счастью, время все поставило на свои места, и отец с сыном помирились, на радость родственникам. Раздоры вносят толику ненужной тревоги в повседневное существование датоба, и без того изобилующее постоянной борьбой с окружающей природой за скудные пастбища и воду, с извечными врагами масаи и сукума, угоняющими скот, с неумолимым наступлением земледельцев, распаивающих доселе пригодные к выпасу земли.

Доиндустриальные общества, каковыми являются хадза, датоба, масаи, живущие в тесной связи со средой обитания и лишь краем соприкоснувшиеся с «благами» западной цивили-

лизации, меняются сегодня на глазах. Этому способствует активная позиция государственных служб Танзании, настаивающих на обязательном школьном образовании для детей, развитие системы доступной медицинской помощи в отдаленных сельских районах, активная международная кампания по обеспечению сельского населения питьевой водой, а также деятельность местных органов власти по вовлечению широких масс сельского населения в общественную жизнь страны. Но даже в этих условиях кодекс моральных норм и установок продолжает оставаться значимым. Проблемы на местах предпочтительно разрешаются силами соседских (или клановых) общин, а не органов государственного правопорядка. Родственные связи остаются краеугольным камнем существования, а забота о родственниках – важнейшим долгом, нарушить который не решаются даже люди, покинувшие общину, переселившиеся в города и получившие высшее образование³. Европейцев удивляет упорное стремление этих людей неотступно следовать правилам поведения своей культуры. Особое место в этом списке отводится похоронам и похоронной обрядности. Люди завещают похоронить себя на земле предков (часто речь идет именно об участке близ дома родителей). И эти желания соблюдаются неукоснительно, невзирая на материальные расходы и сложности транспортировки покойного. Присутствие же на похоронах ближайшего родственника – также важнейшая обязанность, пренебречь которой немислимо, невозможно. Привязанность, кооперация, взаимопомощь, получившие столь невиданный размах у нашего вида по сравнению с другими приматами, продолжают цементировать человеческие связи даже на больших расстояниях.

Марк Моффетт сравнивает человеческое общество с социальными образованиями общественных насекомых, и эти сравнения вполне уместны. Но его последующий интерес к устройству социальных систем у широкого круга позвоночных, от рыб до человекообразных обезьян, не случаен. Как эволюциониста, его интересы связаны с выявлением причин и факторов, влияющих на трансформации социального поведения у разных таксонов, роли экологии в усложнении общественных связей, с поиском связей между морфологическими и психологическими преобразованиями, в конечном итоге приведших к возникновению нашего вида. Человека разумного, уникального в своем развитии речи, культуры, техники и искусства. Уникального в стремлении к познанию тайн бескрайней вселенной... Но продолжающего оставаться беззащитным в мире конфликтов и насилия, порожденном им же самим.

*М. Л. Бутовская,
д. и. н., профессор, член-корр. РАН,
зав. центром кросс-культурной психологии и этологии человека Института
этнологии и антропологии РАН*

---

³ Бутовская М. Л., Ростовцева В. В. Эволюция альтруизма и кооперации человека: Биосоциальная перспектива. М.: Ленанд, 2021.

Введение

Столько, сколько существуют человеческие общества, люди считали, что они меняются, члены этих обществ в их воображении превратились в величественных Людей с большой буквы. И все же, какой бы могущественной ни была принадлежность к обществу в формировании коллективной самооценки граждан, вовсе не на членов того же общества они смотрят совсем иначе: в их глазах именно чужаки претерпевают более радикальные, временами ужасающие изменения. В представлении каждого человека целые группы чужаков могут превратиться в нечто менее человеческое, даже в своего рода паразитов.

В истории есть много примеров, когда чужаков считали столь презренными существами, что их могли раздавить под ногами, как насекомых. Вспомним 1854 год, Территория Вашингтон. Вождь индейского племени сквамиш Сиэтл, в честь которого был назван недавно основанный город, только что выслушал речь Айзека Стивенса, вновь назначенного губернатора территории, перед старейшинами племени. Стивенс объяснил, что сквамиш должны переселиться в резервацию. Встав для ответа и возвышаясь над худощавым губернатором, Сиэтл на своем родном языке дувамиш горевал о том, что между их обществами существует пропасть, и признал, что дни сквамиш сочтены. Тем не менее он мужественно воспринял новости: «Племя следует за племенем, а народ – за народом, как волны моря. Таков закон природы, и сожаления бесполезны»⁴.

Будучи биологом, занимающимся полевыми исследованиями, я зарабатываю на жизнь тем, что размышляю о законах природы. Я провел многие годы в раздумьях над концепцией того, что мы называем «обществом», изучая человеческие племена и государства. Меня бесконечно увлекал феномен чужеродности: как получается, что незначительные различия превращаются в пропасть между людьми, которая затрагивает каждую сферу жизни, от экологии до политики. Цель книги «Человеческий рой» – разобраться как можно глубже в этом вопросе, исследуя природу обществ *Homo sapiens*, а также сообществ других животных. Основная идея этой книги заключается в том, что, каким бы неудобным это ни казалось, человеческие общества и сообщества насекомых похожи больше, чем нам хотелось бы считать.

Как я убеждался много раз на собственном опыте, для людей любая мелочь может свидетельствовать о чужеродности. В Индии люди обиженно смотрели на меня, когда я брал пищу не той рукой. В Иране я попытался кивком головы выразить «да», а для местных кивок означал «нет». В горах Новой Гвинеи я, сидя на мху, смотрел вместе с целой деревней «Маппет-шоу» по древнему телевизору, работавшему от автомобильного аккумулятора. Зная, что я приехал из Америки и «Маппет-шоу» сделано в Америке, каждый житель деревни недоуменно смотрел на меня, когда на экране свинка – вид, которому они поклоняются, – вальсировала в платье и туфлях на высоких каблуках. Я говорил сам с собой, находясь за пулеметами во время восстания тамиллов на Шри-Ланке, и весь покрылся испариной, пока подозрительные боливийские чиновники выясняли, кто этот очень странный человек и что я делаю – или что мне разрешено делать – в их стране. Дома я видел, как мои сограждане американцы с одинаковым дискомфортом, недоумением и, временами, гневом относятся к чужим. Первая реакция обеих сторон – мысль о том, *насколько чужой этот человек*, несмотря на абсолютное сходство: люди с двумя руками, двумя ногами и желанием любить, иметь дом и семью.

В «Человеческом рое» я исследую принадлежность к обществу как особую составляющую нашего чувства собственного «я», которую следует рассматривать (на чем я подробно останавлиюсь в последних главах) вместе с принадлежностью к расе и этносу – характеристиками, которые могут иметь такое же первостепенное значение и эмоциональную привлекатель-

---

⁴ Breidlid et al. (1996), 14. В источниках по-разному описывают, что именно сказал Сиэтл (Gifford, 2015).

ность. Растущая значимость наших обществ, а также этносов и рас в сравнении с другими аспектами нашей идентичности может показаться абсурдной. Лауреат Нобелевской премии, экономист и философ Амартия Сен, например, пытается разобраться, почему люди уничтожают свою идентичность в угоду группам, которые становятся важнее всего остального. Приводя в качестве наглядного примера ожесточенные конфликты в Руанде, Сен сожалеет, что «на рабочего хуту из [столицы] Кигали, возможно, оказывается давление, чтобы он считал себя исключительно хуту, и его подстрекают убивать тутси, хотя он не только хуту, но и кигалец, гражданин Руанды, африканец, рабочий и человек»⁵. Подобное разделение и классификации иного рода – одна из тем следующих глав. Когда убеждения, касающиеся представлений о том, что есть общество и кто к нему принадлежит, вступают в конфликт, подозрительность растет и связи рушатся.

На ум приходит слово «трайбализм», указывающее на людей, объединенных чем угодно: от любви к гонкам до отрицания глобального потепления⁶. Представление о «племени» в этом неточном значении термина – частая тема книг-бестселлеров. Тем не менее, когда мы говорим о племени горцев Новой Гвинеи или о трайбализме по отношению к нашим собственным связям с обществом, мы имеем в виду пожизненное чувство принадлежности, которое порождает любовь и преданность по отношению к своим, но при этом, выражаемое по отношению к чужакам, способно разжигать ненависть и вести к разрушению и отчаянию.

Прежде чем перейти к этим темам, мы обратимся к самому основному вопросу: что такое общество? Как мы увидим, быть социальным, то есть по-настоящему связанным с другими, – это одно, и совсем другое – ситуация, гораздо реже встречающаяся в природе, когда вид поддерживает отдельные группы, называемые нами обществами, которые сохраняются на протяжении жизни многих поколений. Быть частью общества – это не вопрос выбора; люди, считающие себя его членами, обычно видны всем. Посторонних, с их чужеродностью, безошибочно определяемой по внешнему виду, акценту, жестам и отношением ко всему – от свинок до вопроса о том, считаются ли чаевые оскорблением, – допускают с трудом. И тогда, во многих случаях, чужаков полностью принимают лишь по истечении времени, даже через десятки или сотни лет.

За исключением наших семей, наши общества – это единственные объединения, которым мы чаще всего клянемся в верности, за которые сражаемся и умираем⁷. Но в повседневной жизни главенство обществ редко является очевидным и представляет лишь часть нашего самоощущения и осознания, чем отличаются другие. Мы присоединяемся к политическим партиям, книжным клубам, группам игроков в покер, подростковым компаниям – это элемент нашего повседневного опыта. Даже путешествуя в одном туристическом автобусе, люди могут чувствовать большую сплоченность и какое-то время более низко оценивать пассажиров других автобусов. В результате такая группа, возможно, даже способна плодотворно решать насущные проблемы⁸. Предрасположенность к присоединению к группам формирует нас как личностей и является предметом многочисленных исследований. А тем временем наше общество бурлит, но мы не обращаем на это внимания, как на биение сердца и дыхание. Конечно, общество выступает на передний план во времена совместных трудностей или величия. Война, атака террористов или смерть лидера может сформировать мировоззрение целого поколения. Но даже в периоды, не насыщенные событиями, общество определяет атмосферу наших будней, влияет на наши убеждения и формирует наш опыт.

⁵ Sen (2006), 4.

⁶ Для знакомства с теориями «племени» в более свободном значении термина я рекомендую книгу Грина (Green, 2013).

⁷ Конечно, люди могут направить подобные порывы в иное русло и развивать связи с другими группами, такими как культы (см. главы 15 и Bar-Tal & Staub, 1997).

⁸ Dunham (2018). Более того, люди, разделенные на группы при помощи броска монетки, почти сразу же начинают ценить членов своей группы больше, чем принадлежащих к другой группе (Robinson & Tajfel, 1996).

Размышления об иногда непреодолимых различиях между обществами – будь то толпы жителей государств, занимающих целый континент, как США, или местные племена Новой Гвинеи – затрагивают вопросы первостепенного значения. Является ли существование обществ с навешиванием на других, то есть не членов общества, ярлыка «чужой» частью «закона природы» и потому неизбежным? Действительно ли любое общество, объединенное чувством превосходства и уязвимое из-за враждебности других групп, обречено беспомощно барахтаться и наконец, как предположил Сиэтл, пасть в результате столкновений с другими обществами или из-за распространения чувства отчужденности среди членов того же общества?

«Человеческий рой» – моя попытка ответить на эти вопросы. В ходе обсуждения мы перейдем от естественной истории к доисторическому периоду и изменчивому пути цивилизаций – от глиняных стен Шумера к цифровому пространству Facebook⁹. Ученые, изучающие поведение, выделяют взаимодействия людей в узкие контекстуальные рамки, например используя стратегические игры для того, чтобы разобраться, как мы относимся друг к другу. Но я попытаюсь применить более широкий подход. Для того чтобы понять происхождение, механизм поддержания и причины распада обществ – насколько они необходимы, как возникают и почему они важны, – мы обратимся к последним данным биологии, антропологии и психологии и, кроме того, добавим немного философии.

История тоже играет свою роль в повествовании, но это больше касается выявляющихся закономерностей, чем специфики этой науки. У каждого общества своя собственная сага, но я полагаю, что существуют общие фундаментальные силы, которые удерживают общества вместе и вызывают их крах. Дело в том, что, будь то в результате завоевания, преобразования, ассимиляции, разделения или смерти, все общества – в мире животных и людей, от скромных охотников-собирателей до индустриальных агломераций – приходят к концу. Такое непостоянство легко не заметить, принимая во внимание, что долговечность обществ оценивается в рамках продолжительности человеческой жизни. Постепенное исчезновение гарантировано не из-за враждебных соседей или гибели окружающей среды (хотя эти факторы сыграли значительную роль в упадке некоторых обществ) и не из-за быстротечности самой человеческой жизни, а скорее в связи с мимолетностью идентичности, которую члены общества демонстрируют друг другу и миру. Различия между людьми имеют большое значение, и изменения постепенно превращают то, что когда-то было близким, в совершенно чуждое.

Связь человека с обществом имеет глубокие корни, восходящие еще к нашему «животному» прошлому. Тем не менее идея описывать сообщества животных с точки зрения членства в нем и по принадлежности «свой – чужой», которую я позаимствовал из психологии, для биологии нетрадиционна. Мои коллеги обычно с неохотой (хотя обычно не явной) говорят о сообществах. Так, хотя в разговорном языке существуют слова, обозначающие сообщества многих видов животных (например, «стадо» – для нечеловекообразных обезьян и горилл¹⁰, «стая» – для волков и гиеновых собак, «клан» – для пятнистых гиен и сурикатов или «табун» – для лошадей), исследователи зачастую избегают этих терминов и говорят о «группе», что приводит к потере ясности и смысла. Представьте, что вы находитесь на лекции, как я когда-то, и эколог рассказывает о группе обезьян, которая «разделилась на две группы», а потом «одна из групп вступила в конфликт с еще одной группой». Нужно очень хорошо сосредоточиться, чтобы расшифровать эти предложения: лектор имел в виду, что члены одного стада обезьян направились в разные стороны, и половина этого стада столкнулась с другим стадом и отчаянно

⁹ Социальная сеть, деятельность которой в РФ запрещена законом. – *Примеч. ред.*

¹⁰ В приматологии иногда говорят «стадо» применительно к павианам или макакам, к примеру. Но применительно к гориллам и шимпанзе всегда используются термины «группа», «сообщество», «объединение» и даже «общество». Автор упоминает только горилл в этом контексте, как если бы это были единственные человекообразные обезьяны. Между тем к человекообразным относят orangutanов, шимпанзе, бонобо, горилл, гиббонов и сиамангов. – *Примеч. науч. ред.*

защищалась. Хотя стадо – это, несомненно, группа, но особого рода, которую отличает от всех остальных обезьян закрытое и стабильное членство, превращающее это объединение не только в то, за что стоит бороться, но и в то, что заслуживает называться отдельным термином.

Как только группа – стая, клан, стадо, прайд и т. д. – сформирует такого рода особую идентичность, выходящую за рамки повседневных связей родителей, занимающихся выращиванием потомства, принадлежность к такому сообществу может многое дать. Какие общие черты мы имеем с такими животными? Чем мы отличаемся и, что более важно, имеет ли это значение?

Хотя примеры из мира животных помогают пролить свет на ценность общества, этого недостаточно, чтобы объяснить, каким образом люди пришли к тому, что мы имеем сейчас. Какими бы естественными ни казались большинству населения наши большие государства, они не являются необходимостью. До расцвета цивилизаций (под которыми я имею в виду общества с городами и монументальной архитектурой) люди заселяли пригодные территории, формируя общества меньшего размера: племена, зависимые от примитивного земледелия (подсечно-огневого и мотыжного) и скотоводства, и охотники-собиратели, добывающие все продовольствие в дикой природе. Эти общества были нациями того времени. Много тысячелетий назад, во времена, когда все люди были охотниками-собирателями, предки каждого живущего человека были с ним связаны. Многие народы Новой Гвинеи, острова Калимантан (Борнео), тропических лесов Южной Америки, Африки южнее Сахары и в других частях света сохраняют основные связи с несколькими сотнями или тысячами людей в племени, которое продолжает существовать, по большей части независимо от национального правительства.

Для того чтобы охарактеризовать самые первые общества, мы можем привлечь свидетельства об охотниках-собирателях недавнего прошлого и данные археологической летописи. Нашим предкам, охотникам-собирателям, огромные страны, которые сейчас заставляют сердца преисполняться гордостью, вероятно, казались бы непостижимыми. Мы выясним, что сделало возможной такую трансформацию, приведшую к появлению обществ, которые продолжают ущемлять интересы чужаков, пусть даже эти общества стали столь многочисленными, что большинство членов не знают друг друга. Равнодушная анонимность, характеризующая современные человеческие общества, может показаться ничем не примечательной, но это очень важно. Кажущееся обыденным действие – мы беззаботно заходим в кафе, полное незнакомцев, – одно из самых недооцененных достижений нашего вида, и оно отделяет человечество от большинства других позвоночных, у которых существуют сообщества. Тот факт, что животные, принадлежащие к таким видам, должны быть способны распознавать каждую особь в своем сообществе, – это ограничение, на которое большинство ученых не обращает внимания, но оно объясняет, почему ни львы, ни луговые собачки никогда не создадут трансконтинентальные царства. Способность чувствовать себя комфортно среди незнакомых членов нашего общества с самого начала дала человеку преимущества и сделала возможным существование государств.

В летописи жизни на Земле объединенные множества, составляющие современные человеческие общества, – уникальный случай для вида, чьи представители размером больше ногтя. Как бы то ни было, моя профессиональная подготовка связана с существами гораздо меньшего размера – общественными насекомыми, в частности с муравьями (из личных предубеждений). Идея, лежащая в основе этой книги, пришла мне в голову, когда в городке недалеко от Сан-Диего я наткнулся на поле сражения длиной несколько километров, где две суперколонии аргентинских муравьев, каждая численностью несколько миллиардов, защищали свои территории. Тогда, в 2007 г., эти лилипуты сначала заставили меня задаться вопросом о том, насколько большое число индивидуумов, муравьев *или* людей, может быть настоящим обществом. В этой книге мы рассмотрим, как муравьи, подобно людям, реагируют друг на друга таким образом, что их сообщества могут оставаться анонимными: нам – и им – нет необхо-

димости знать друг друга как индивидуумов, для того чтобы сохранять отдельные общества. Такая способность предоставила людям возможность превзойти ограничения размера сообществ, характерные для большинства других млекопитающих: это явление мы впервые наблюдаем в обществах охотников-собирателей, которые разрослись до многих сотен и в конце концов проложили дорогу к великим республикам.

Каким образом реализуются анонимные общества? Наш муравьиноподобный подход к идентификации друг друга основан на общих чертах, которые обозначают индивидов как членов одного общества. Но таких маркеров, которые у муравьев представляют собой просто химические вещества, а у людей могут варьироваться от одежды до жестов и языка, недостаточно, чтобы всецело объяснить, что сплачивает цивилизации. Условия, благоприятные для роста человеческих обществ, по сравнению с условиями для обладающих маленьким мозгом муравьев, были строгими и неустойчивыми. В ответ на растущую численность членов своего общества люди используют проверенные временем навыки из своих ментальных ресурсов для того, чтобы сделать жизнь приемлемой. Усиление различий между индивидами за счет рода занятий и других отличительных признаков (наше объединение в группы) – часть всего комплекса. Возможно, еще более интересно, что возникновение неравенства (которое я буду обсуждать отдельно, как проявляющееся в появлении лидеров) настолько же важно для формирования общества и роста населения. Мы принимаем эти феномены как нечто само собой разумеющееся, но среди охотников-собирателей существовали значительные различия: некоторые общества кочевников были обществами равных.

Сосуществование разных рас и этносов в рамках общества началось в основном с появлением земледелия, с ростом готовности принимать различия между индивидами, включая и власть других. Подобный союз прежде независимых групп был неизвестен среди общин охотников-собирателей и не встречается больше ни у одного биологического вида. Государства не могли бы сформироваться и окрепнуть, если бы люди не «перепрофилировали» свои когнитивные инструменты выживания, чтобы принимать разные этнические группы и приспосабливаться к ним. Такой учет различий сопровождается вызывающими стресс факторами, которые в конечном итоге способны как укрепить общество, так и разрушить его. Поэтому, хотя хорошие новости заключаются в том, что «плавильный котел» действует весьма успешно, «плавление» продолжается только до определенного момента, и вопрос принадлежности к «мы» находится в основе бунтов, этнических чисток и Холокоста.

Моя цель – заинтересовать вас, рассказывая о загадках, причем некоторые крайне важны, а другие довольно странны, но на многое проливают свет. Итак, краткий анонс. У африканских саванных слонов существуют сообщества, а у индийских слонов их нет. Мы ответим на необычный вопрос: почему, учитывая близкое родство человека с двумя другими видами приматов, обыкновенным шимпанзе и карликовым, или бонобо, муравьи должны заниматься разного рода «человеческими» делами – строить дороги, создавать правила дорожного движения, работать на сборочных конвейерах и иметь работников общественной гигиены, – а шимпанзе и бонобо этого не делают. Мы рассмотрим, не были ли примитивные крики, называемые уханьем, для наших далеких предков первым маленьким шагом к размахиванию флагами в порыве патриотизма и, в каком-то смысле, фундаментом для наших государств, иногда занимающих целые континенты. Как удастся мне, чужаку, не обращать внимания на различия между людьми и продолжать работать в других обществах, когда большинство животных (к ним, бесспорно, относятся и муравьи) не способны это делать? Или вот вопрос для любителей истории: мог ли повлиять на исход Гражданской войны в США тот факт, что большинство южан того времени по-прежнему считали себя американцами?

Джордж Бернанд Шоу писал: «Патриотизм – убеждение, что твоя страна лучше других потому, что именно ты в ней родился»¹¹¹². Так что же это значит, когда неотъемлемое условие человеческого существования – крепко держаться за общество и боготворить его и при этом зачастую относиться к чужакам пренебрежительно, не доверять им, унижать и даже ненавидеть? Сей факт – загадка нашего вида и одна из причин, побудивших меня написать эту книгу. Несмотря на то что человечество перешло от небольших обществ к огромным, мы сохранили сверхъестественную способность понимать, кто им соответствует, а кто – нет. Да, мы дружим с иностранцами, но при этом они остаются иностранцами. Хорошо это или плохо, но по причинам, которые я надеюсь прояснить, отличительные признаки остаются, наряду с такими же явными и зачастую разрушительными различиями, существующими внутри самих обществ. То, как мы подходим к рассмотрению сходств и отличий, определяет природу и будущее обществ.

---

¹¹ Цит. по: Большая книга мудрости. М.: Эксмо, 2018. С. 485.

¹² Цитируется в Dukore (1966), 142.

Предстоящее путешествие

В наших изысканиях мы отправимся не по одной длинной дороге, а по многим взаимосвязанным путям. Время от времени мы будем возвращаться, чтобы посмотреть на такие дисциплины, как биология и психология, под другим углом. В повествовании не всегда соблюдается хронология, поскольку мы будем обращаться не только к свидетельствам из истории человечества, но и к данным об эволюции человека, для того чтобы серьезно разобраться в том, что мы делаем и как мы думаем. Учítывая, что исследование напоминает путешествие, в котором множество различных точек высадки на берег, вот краткий обзор того, что ждет впереди, по порядку.

Я разделил книгу на девять частей. Часть I под названием «Принадлежность и распознавание» охватывает разнообразные сообщества позвоночных. В главе 1 рассматривается роль кооперации в сообществах, которая, как я намерен продемонстрировать, менее существенна, чем вопрос идентичности; общества состоят из отдельного множества членов, которых связывают различные взаимоотношения, не всегда гармоничные. В главе 2 мы поговорим о других видах позвоночных, в основном о млекопитающих, чтобы пролить свет на то, как сообщество, несмотря на существующие недостатки системы сотрудничества, приносит пользу его членам, обеспечивая их потребности и защиту. В главе 3 исследуется вопрос о том, насколько важны для успеха различных групп перемещения животных внутри и между сообществами. Одна универсальная модель активности, слияние-разделение, создает динамику, которая помогает объяснить эволюцию разума у определенных биологических видов, среди которых люди – наиболее очевидный пример, и к этой теме мы будем возвращаться на протяжении всей книги. Глава 4 посвящена тому, как много должны знать друг о друге члены большинства сообществ млекопитающих для поддержания таких групп. Здесь я расскажу о лимитирующем факторе, существующем в сообществах многих видов животных: все члены обязаны знать друг друга как индивидуумов, нравятся они друг другу или нет, и эта особенность ограничивает численность сообществ – самое большое до нескольких десятков особей. В связи с вышеизложенным возникает вопрос: каким образом человеку как виду удалось освободиться от такого ограничения?

Часть II, «Анонимные общества», посвящена группе организмов, которые с легкостью нарушают это популяционное ограничение, – общественным насекомым. Одна из преследуемых мною целей – преодолеть нежелание (возможно, испытываемое вами, дорогие читатели) уподоблять насекомых «высшим видам», особенно людям, объяснив ценность подобных сравнений. Глава 5 рассказывает о том, как в целом возрастает сложность социальных отношений с увеличением размера сообществ насекомых, для которых характерно усложнение инфраструктуры и разделения труда. Такая же тенденция наблюдается и в человеческих обществах. В главе 6 мы рассмотрим, как большинство общественных насекомых и несколько видов позвоночных, таких как кашалоты, демонстрируют принадлежность к сообществу с использованием сигналов, указывающих на их индивидуальность: химических (запах) – у муравьев и звуковых – у китов. Эти простые способы не ограничены рамками памяти и потому позволяют сообществам некоторых видов достигать невероятных размеров, в некоторых случаях – без верхней границы численности. Следующая глава, «Люди-анонимы», разъясняет, как люди применяют такой же подход: наш вид «настроен» на маркеры, свидетельствующие о том, что каждое общество считает приемлемым, включая такие нюансы поведения, которые можно отметить лишь подсознательно. Благодаря указанным средствам люди способны устанавливать связи с незнакомцами в обществе, которое я называю анонимным, и преодолеть ограничения, связанные с размером обществ.

Три главы, включенные в часть III, «Охотники-собиратели недавнего прошлого», посвящены вопросу о том, какими были человеческие общества до появления земледелия. Я рассматриваю людей, которые до недавнего времени вели жизнь охотников-собирателей: от кочевников, живших в небольших расширенных группах, называемых локальными группами, до тех, кто большую часть года проводил на одном месте. Несмотря на то что кочевникам уделяется больше всего внимания и кочевой образ жизни рассматривают как золотой стандарт способа существования наших предков, напрашивается вывод (и это легко доказать), что на заре человечества людям были доступны оба варианта. Мы можем также заключить, что охотники-собиратели не были архаичными людьми, ведущими примитивный образ жизни. Следует признать, что их представители ничем существенно не отличались от нас: это люди, так сказать, «в настоящем времени». Несмотря на признаки продолжающейся, даже ускоренной эволюции человека в последние 10 000 лет, человеческий мозг не подвергался каким-то фундаментальным перестройкам с момента появления первого *Homo sapiens*¹³. Это означает, что, невзирая на любые приспособления человека к современной жизни, мы можем обратиться к историческим свидетельствам об образе жизни охотников-собирателей и рассматривать природу ранних человеческих обществ как основу для современных.

Больше всего нас интересуют невероятные различия между кочевыми охотниками-собирателями – склонными к равноправию мастерами на все руки, которые решали проблемы путем обсуждения, – и оседлыми, чьи общества были предрасположены к появлению лидеров, разделению труда и неравному распределению материальных благ. Первая из упомянутых социальных структур указывает на психологическую гибкость, которой мы по-прежнему обладаем, даже несмотря на то, что поведение большинства современных людей больше похоже на поведение оседлых охотников-собирателей. В части III сформулированы два вывода: общества охотников-собирателей отличались друг от друга и отличительными признаками, как и в современных обществах, были маркеры идентичности.

Это означает, что на каком-то этапе в далеком прошлом наши предки, должно быть, совершили важнейший, но до сих пор не замечавшийся эволюционный шаг – перешли к использованию знаков принадлежности к группе, – который со временем позволил нашим обществам расти. Чтобы разобраться, как это произошло, в части IV, состоящей всего из одной главы, мы перенесемся в прошлое, а также изучим поведение современных шимпанзе и бонобо. Я выдвигаю гипотезу о том, что простое изменение способа применения обезьянами одного из звуковых сигналов, уханья, могло превратить этот звук в необходимый для идентификации друг друга как членов одного сообщества. Такая трансформация, или нечто подобное, могла, бесспорно, произойти и у наших далеких предков. К этому первоначальному «паролю» добавлялись другие маркеры, многие из которых связаны с человеческим телом, и таким образом наши тела превратились в «доску объявлений» из плоти и крови для демонстрации идентичности человека.

Рассмотрев, как появились маркеры идентичности, мы перейдем к исследованию психологических основ этих маркеров и принадлежности к обществу. В пяти главах части V, «Функционирование (или нет) в обществах», дается обзор удивительно разнообразных последних данных о человеческом разуме. Большинство исследований сосредоточено на принадлежности к этносу и расе, но их результаты применимы и к обществам в целом. Мы рассмотрим следующие темы: почему люди смотрят на других, словно те обладают некой особой сущностью, которая превращает общества (а также этносы и расы) в настолько фундаментальные, что люди воспринимают эти группы так, будто это разные биологические виды; как младенцы учатся распознавать такие группы; какую роль играют стереотипы в упорядочении наших вза-

¹³ О свидетельствах продолжающейся эволюции человека см. Cochran & Harpending (2009). 1. Чем общество не является (и что это такое)

имодействий с другими людьми и каким образом подобные стереотипы могут быть связаны с предубеждениями; почему предубеждения проявляются невольно и неотвратимо, зачастую заставляя нас воспринимать чужака скорее в качестве представителя его этноса или общества, а не как уникальную личность.

Психологические оценки, которые мы даем другим, разнообразны, включая нашу склонность считать чужаков «ниже рангом», чем представителей нашего собственного общества, а в некоторых случаях вообще воспринимать их как «недочеловеков». В главе 4 части V объясняется, каким образом мы применяем подобную оценку других людей к обществам в целом. Люди считают, что представители чужих групп (наряду с их собственными) могут действовать как единое существо с собственными эмоциональными реакциями и целями. В последней главе части V мы обратимся к тому, что узнали о психологии и биологических основах обществ, для того чтобы сформулировать развернутые вопросы о том, как семейная жизнь вписывается в эту картину и можно ли, например, представить общество в виде своего рода расширенной семьи.

Часть VI, озаглавленная «Мир и конфликты», посвящена проблеме взаимоотношений между обществами. В первой главе этой части я привожу свидетельства из мира природы, которые демонстрируют, что, хотя сообществам животных не обязательно вступать в конфликт, мирное сосуществование – относительно редкое явление, которое встречается всего у нескольких видов и поддерживается в условиях минимальной конкуренции. В следующей главе центральное место в повествовании отводится охотникам-собираателям, чтобы выяснить, каким образом не просто мир, а активное сотрудничество между обществами стало выбором нашего вида.

В части VII, «Жизнь и смерть обществ», рассматривается вопрос о том, как формируются и распадаются общества. До того как перейти к человеческим обществам, я даю обзор ситуации в мире животных и прихожу к выводу, что все сообщества проходят через своего рода жизненный цикл. Несмотря на существование иных механизмов, как мы увидим, у большинства видов основной способ возникновения новых сообществ – это разделение существующего сообщества. Как показывают результаты исследований шимпанзе и бонобо, подкрепленные данными по другим приматам, перед разделением в сообществе на протяжении нескольких месяцев или лет возникают группировки, что увеличивает разногласия и в конце концов приводит к расколу. Такое же формирование фракций, обычно в течение нескольких веков, имеет место и в человеческих обществах, за исключением важного отличия: первичное давление, приведшее к разделению групп людей, возникло, когда первоначальные объединяющие маркеры, сохранявшие общество, перестали быть общими, и люди стали считать себя несовместимыми. По прочтении этой части становится понятно, почему восприятие людьми собственной идентичности меняется со временем так, что этот процесс невозможно было остановить в доисторические времена, в основном из-за плохо развитой коммуникации между общинами охотников-собираателей. По этой причине общества охотников-собираателей разделялись, когда, по современным меркам, они были еще крошечными.

Разрастание обществ и превращение их в государства (нации) стало возможным благодаря социальным изменениям, которые я рассматриваю в части VIII, «От племен к нациям». Некоторые поселения охотников-собираателей и племенные деревни с простыми способами ведения сельского хозяйства делали первые неуверенные шаги в этом направлении, когда лидеры расширяли свою власть и захватывали контроль над соседними сообществами. Я начну рассказ с описания организации племен в виде множества деревень, каждая из которых большую часть времени действовала независимо. Лидерам таких слабо связанных деревень необходимо было уметь поддерживать социальное единство и препятствовать распаду, но это им не очень-то удавалось, отчасти потому, что у них не было средств, благодаря которым их народ держался бы вместе, идентифицируя себя с обществом: дорог и кораблей, которые связывают

людей с тем, что делают их соотечественники. Рост также требовал от обществ расширения владычества над территориями соседей. Этот процесс не был мирным: в царстве животных найдется крайне мало свидетельств добровольного слияния сообществ. Одни человеческие сообщества стали завоевывать другие и таким образом включать чужаков в свое общество. У других видов тоже время от времени происходит перемещение членов из одного сообщества в другое, но у людей такой обмен перешел на новый уровень с появлением рабства и в конечном счете покорением целых групп.

Теперь, когда мы разобрались, какие силы способны заставить небольшие общества вырасти до огромных, в том числе современных, государств, в последней главе части VII мы рассмотрим, как такие общества обычно приходят к концу. Для обществ, созданных путем завоевания, характерны не раскол между группировками, который мы наблюдали в среде охотников-собирателей, и не полный крах, хотя и подобное может произойти, а скорее разлом, который почти всегда происходит приблизительно вдоль древних территориальных границ, разделявших народы, включенные в состав такого общества. Большие общества не более долговечны, чем малые, и распадаются на части в среднем раз в несколько столетий.

В последней части книги мы пройдем по окольному пути, который привел к появлению этносов и рас и временами мутных вод современной национальной идентичности. Для того чтобы стать спаянным целым, общество завоевателей должно было перейти от контроля некогда независимых групп к принятию их в качестве членов своего общества. Для этого требуется трансформация идентичности, когда группы этнических меньшинств приспосабливаются к народу, составляющему большинство, – доминантной группе, которая, во многих случаях, основала общество и контролирует не только его идентичность, но также и большую часть ресурсов и власть. Такая ассимиляция происходит только до определенной степени и вот почему: этносы и расы, как продемонстрировано ранее в этой книге для отдельных личностей и обществ в целом, будут чувствовать себя наиболее комфортно вместе, если у них есть некоторые общие признаки, но при этом они отличаются достаточно, чтобы чувствовать себя разными. Кроме того, появляется разница в статусе разных меньшинств, и он может меняться на протяжении нескольких поколений, хотя большинство почти всегда прочно сохраняет контроль. Включение этнических меньшинств в качестве членов общества влечет за собой предоставление им возможности смешиваться с большинством, географическую интеграцию населения, которая была разрешена не во всех обществах прошлого.

Во второй главе части IX рассматривается, как современные общества сделали возможным более мирное встраивание большого числа чужаков за счет иммиграции. Такие перемещения редко происходили легко, и, как в прошлом, за иммигрантами закреплялся более низкий статус и меньше полномочий. Иммигранты, возможно, сталкивались с меньшим противодействием, если брали на себя социальные роли, которые минимизировали конкуренцию с другими членами общества, но при этом давали почувствовать собственную значимость и уважение. Идентичность, которой на своей этнической родине иммигранты очень дорожили, часто преобразуется в угоду более крупным расовым группам. Возможно, сначала сдвиг в восприятии происходит под нажимом, но вновь прибывшие могут принимать изменения, поскольку они дают преимущества в виде более обширной базы для социальной поддержки в новом обществе. Главу завершает рассказ о том, как критерии гражданства стали идти вразрез с психологией восприятия людьми того, кто именно в обществе занимает место, принадлежащее ему по праву. На последнее серьезно влияет отношение людей к тому, насколько должна быть важна роль общества в обеспечении разных людей или групп и защите их самих, – отношение к патриотизму и национализму соответственно. Разнообразие точек зрения по этим вопросам, возможно, необходимо для здорового общества, даже несмотря на то, что оно отягчает социальные конфликты, которые становятся темой заголовков современных СМИ. Принимая во внимание

эти акценты, в последней главе, «Неизбежность обществ», поднимается вопрос о том, необходимы ли общества.

Приходя в этой книге к определенным выводам, я заранее должен признать, что объединенная область исследования обществ – это еще недостижимая мечта. Слишком часто научные дисциплины поощряют некие привычные способы мышления и пренебрегают нетрадиционными, разделяя интеллектуальный мир на враждебно настроенные друг к другу сообщества, известные как биология, философия, социология, антропология и история. Таким образом, в укромных «уголках и щелях» между науками остается многое, что требует обсуждения. Например, историки-«модернисты» считают нации исключительно новым феноменом. Я же буду отстаивать точку зрения, согласно которой родословная наций имеет древние корни. Некоторые антропологи и социологи идут еще дальше и рассматривают общества как совершенно необязательные конструкторы: по их мнению, люди формируют подобные объединения, когда те отвечают их интересам. Моя цель – показать, что принадлежность к обществу настолько же важна для нашего благополучия, как обретение брачного партнера или любовь к ребенку. Я также разочарую некоторых из моих коллег-биологов. Я неоднократно слышал, как биологи, если изучаемый ими вид не совсем отвечает этому критерию, в штыки встречают идею о том, что сообщества надо изучать как группы с особой идентичностью и принадлежностью. Подобная гневная реакция лучше всего иллюстрирует значимость терминов «сообщество» (когда речь идет о животных) и «общество»¹⁴.

Если отставить в сторону споры среди специалистов, читатели с разными политическими убеждениями почерпнут разную информацию в современной науке. Какой бы точки зрения вы ни придерживались, я убеждаю вас рассматривать факты из других областей знания, находящиеся за пределами ваших интересов. Это необходимо для того, чтобы знать, как ваши собственные, зачастую неосознаваемые предубеждения и предубеждения людей вокруг вас (которые усиливаются в толпе) могут влиять как на действия вашей страны, так и на ваше обычное поведение с другими людьми.

---

¹⁴ См. предыдущее примеч. науч. ред.

Часть I

Принадлежность и распознавание

1

Чем общество не является (и что это такое)

Если смотреть с верхней площадки лестницы в главном вестибюле Центрального железнодорожного вокзала Нью-Йорка, людские рои кружат и образуют вихри под знаменитыми четырехсторонними часами. Стаккато каблучков по мрамору Теннесси и шум голосов, нарастающий и стихающий, как шум океана в раковине, отражаются в похожем на пещеру акустическом чуде. Сводчатый потолок с изображением 2500 звезд, застывших на месте на своем упорядоченном пути одной октябрьской нью-йоркской ночью, составляет идеальный контраст с суетой человечества внизу.

Многообразие огромного числа людей, спешащих мимо друг друга или тут и там ведущих беседы в небольших группах, превращает эту сцену в микрокосм человеческого общества во всей его полноте: общества не как добровольного объединения людей, а как долговечной группы, такой, что занимает территорию и вдохновляет на проявление патриотизма. Когда мы вспоминаем о таких обществах, возможно, мы думаем о Соединенных Штатах, Древнем Египте, ацтеках, индейцах хопи – группах, которые важны для человеческого существования и являются краеугольными камнями нашей общей истории.

Каковы основные черты популяции, которые превращают ее в общество? Имеете ли вы в виду Канаду, древнюю империю Хань, племя амазонок или даже прайд львов, общество (сообщество у животных) – это отдельная группа индивидуумов, численность которой превышает размер простой семьи (состоящей из одного или обоих родителей с беспомощными детьми) и чья общая идентичность отделяет ее от остальных подобных групп и поддерживается постоянно на протяжении поколений. Несомненно, общество в конечном итоге может дать начало другим обществам, как произошло, когда Соединенные Штаты отделились от Великобритании или когда один львиный прайд разделяется на два. Более важно, что состав общества меняется редко и с трудом; это группа замкнутая, или «ограниченная». Несмотря на то что члены общества могут в разной степени проявлять свой энтузиазм, когда речь идет о национальном самосознании, большинство ценит его гораздо выше принадлежности к любой иной группе, за исключением связей с нуклеарной семьей. Такая значимость выражается у людей готовностью сражаться за это общество и даже умереть ради него, если того потребует ситуация¹⁵.

Некоторые социологи рассматривают общества в первую очередь как конструкты политической целесообразности, структуры, которые появились в последние столетия. Один ученый, придерживавшийся такой точки зрения, недавно ушедший из жизни историк и политолог Бенедикт Андерсон, считал нации «воображаемыми сообществами», поскольку их население слишком многочисленно, чтобы предоставить членам общества возможность встретиться лицом к лицу¹⁶. Я согласен с его основной идеей. Для того чтобы отделить «нас», принадлежащих к обществу, от «них», чужаков, общие представления – это все, что нам необходимо для создания настоящих обществ, объективно существующих образований. Андерсон также предположил, что такие созданные идентичности – это искусственный продукт современности и массмедиа,

---

¹⁵ Готовность к самопожертвованию у людей часто связана с влиянием культуры: внушением определенных идей (Alexander, 1985).

¹⁶ Anderson (1982).

и в этом я с ним не согласен. Наши общие представления связывают людей силой разума не менее реальной и действенной, чем физическая сила, которая связывает атомы в молекулы, поэтому они обе превращаются в реальность. Так было во все времена. Концепция воображаемых сообществ верна не только для современных обществ, но и для всех обществ наших предков, вероятно, еще с далеких времен до появления человека. Как мы увидим, общества охотников-собираателей, объединенные чувством общей идентичности, не зависели от установления прямых взаимоотношений между его членами и даже от необходимости знать друг друга; у других животных представление о сообществе твердо закреплено в уме его членов, и в этом отношении сообщества также являются воображаемыми. Это ничуть не умаляет человеческие общества: они уходят корнями в природу, но достигли настоящего, небывалого расцвета, что присуще исключительно нашему виду. Именно эта тема и будет рассматриваться в книге.

Я полагаю, что представленная мною точка зрения отражает то, что большинство людей подразумевает, когда мы говорим об «обществе». Конечно, любой термин включает некоторые варианты, и ни одно сообщество животных не является эквивалентом человеческого общества так же, как нет двух одинаковых человеческих обществ. Тем, кого беспокоит, где же провести линию разграничения, я предлагаю следующее: пригодность определения лучше всего демонстрирует то, сколь много мы можем узнать в аномальных ситуациях, когда термин не вполне работает. При достаточных усилиях любое определение, не считая математических терминов и других абстракций, рассыплется. Покажите мне машину, и я покажу вам грудку металлолома, которая когда-то была машиной (а с точки зрения механика, возможно, все еще является ею). Покажите кому-нибудь звезду, и астроном укажет на массу сошедшейся в одной точке раскаленной пыли. Признаком хорошего определения является не только то, что оно строго устанавливает границы множества x , но и то, что оно рассыпается, когда начинает происходить нечто, касающееся x и принципиально вызывающее интерес¹⁷. Поэтому существуют государства, к которым мое представление об обществе как об отдельной группе с общей идентичностью можно применить лишь с натяжкой, но они дают много полезной информации. Например, среди граждан Ирана много этнических курдов, несмотря на то что правительство подавляет их идентичность как группы, при этом курды считают себя отдельной нацией и претендуют на собственную территорию¹⁸. Ситуации, в которых идентичность группы, такой как курды, становится причиной конфликта с обществом, проливает свет на факторы, которые способствуют или дальнейшему укреплению и росту общества со временем, или его расколу и формированию новых обществ¹⁹. Конфликты, связанные с проблемой идентичности, могут возникать и в сообществах животных.

Многие специалисты-биологи, а также антропологи дают иное определение сообщества животных и человеческого общества и описывают их не с точки зрения идентичности, а скорее как группы, организованные на основе сотрудничества²⁰. Хотя социологи признают сотрудничество жизненно необходимым для успеха общества, в этой науке теперь редко ставят знак равенства между обществом и системой сотрудничества²¹. И все же думать об обществе в таком

¹⁷ Благодарю Эмилио Бруна, редактора журнала *Biotropica*, за разрешение использовать в этой части книги мои размышления в адаптированном виде из Moffett (2000), 570, 571.

¹⁸ Иранские курды все же считают себя гражданами Ирана. Претензии на отдельную территорию не отменяют их нынешнюю государственную принадлежность, от которой они не отказываются. — *Примеч. науч. ред.*

¹⁹ Спасибо Дэвиду Романо и Гюнешу Тезкюру за консультацию по вопросу гражданства и прав курдов на Ближнем Востоке.

²⁰ Например, Эдвард Уилсон (Wilson, 1975, 595) определяет сообщество как «группу индивидуумов, принадлежащих к одному виду, организованную на основе сотрудничества», добавляя ключевой критерий — «взаимосвязь на основе сотрудничества, не ограничивающаяся простой сексуальной активностью». Тем не менее можно представить общества, где взаимные выгоды накапливаются, но они не взаимосвязаны.

²¹ Эмиль Дюркгейм (Durkheim, 1895), один из ученых, создавших социологию как науку более столетия назад, рассматривал кооперацию как ключевой элемент общества. Он полагал, что сотрудничество возникает, когда люди разделяют одинаковое мнение, и, несомненно, убеждения и моральные принципы — это основные элементы того, о чем я буду говорить,

ключе – просто, и по понятным причинам: эволюция человека происходила таким образом, что кооперация важна для нашего выживания. В вопросах сотрудничества люди превосходят остальных животных: мы отточили свои навыки в части выражения собственных намерений и суждений о других с точки зрения общих целей²².

Что нас сплачивает

При рассмотрении кооперации в качестве существенного признака общества и основания для проведения различий между двумя обществами, в противоположность социальной идентичности, отправной точкой может послужить гипотеза, разработанная антропологами для объяснения происхождения разума. Согласно этой гипотезе, по мере увеличения размера нашего мозга и наши социальные взаимодействия становились более сложными, изменение каждой характеристики стимулировало развитие и усложнение другой²³. Приматолог и антрополог из Оксфордского университета Робин Данбар описал корреляцию между характерным для данного вида размером мозга – если быть точным, объемом его неокортекса – и числом социальных взаимоотношений, которые в среднем могут поддерживать индивидуумы – представители этого вида. Согласно данным Данбара, наш ближайший родственник шимпанзе взаимодействует примерно с 50 партнерами по коалиции, или союзниками. Назовем эти 50 особей, с которыми в основном сотрудничает индивидуум, его друзьями²⁴.

По расчетам Данбара, когда речь идет о людях, средний человек может поддерживать тесные взаимоотношения примерно со 150 людьми, его закадычные друзья меняются со временем, поскольку или дружба прекращается, или появляются новые друзья. Данбар характеризует эту цифру как «число людей, к которым вы, не испытывая смущения, присоединились бы без приглашения, если бы случайно столкнулись с ними в баре»²⁵. Этот показатель стал известен как «число Данбара».

Гипотеза «социального мозга» открывает широкое поле для споров. Прежде всего, она упрощенная: без сомнения, в том, чтобы иметь большое количество серого вещества, есть множество преимуществ и помимо отслеживания разных Томов, Диков и Джейн, с которыми вы встречаетесь, – поиски пищи, создание орудий и другие навыки тоже требуют когнитивных усилий. Кроме того, важен контекст. Например, на научной конференции ученый, вероятно, имеет общие интересы с множеством участников и может охотно и без приглашения присоединиться к любому числу людей в упомянутом баре. К тому же дружба – это не бинарная, «да/нет» категория. Если бы число Данбара оказалось равно 50 или 400, это всего-навсего указывало бы на большую или меньшую степень близости и взаимопонимания.

И все же, независимо от того, какой объем мыслительных ресурсов человеческого мозга направлен на поддержание взаимоотношений, наш социальный круг даже отдаленно не сравнится с размерами национальных государств. Различия между вашей способностью отвести в своей жизни место для 150 приятелей и способностью шимпанзе поддерживать отношения с 50 особями слишком малы, чтобы объяснить современные человеческие общества с их потрясающими масштабами или даже менее крупные общества нашего прошлого. На протяжении всей человеческой истории, от каменного века до эпохи интернета, не возникло ни одного чело-

---

рассматривая вопрос об идентификации в человеческих обществах. См. также Turner & Machalek (2018).

²² Среди множества интересных обсуждений вопроса см., например, Axelrod (2006), Haidt (2012), Tomasello et al. (2005), Wilson (2012).

²³ Dunbar et al. (2014). Недавно исходные положения гипотезы «социального мозга» были поставлены под сомнение в свете данных, продемонстрировавших, что размер мозга больше определяется экологией, чем социальностью (DeCasien et al., 2017).

²⁴ О применимости слова «дружба» по отношению к животным см. Seyfarth & Cheney (2012).

²⁵ Dunbar (1996), 108. Число Данбара обычно описывают, исходя из хороших взаимоотношений, но, возможно, следует учитывать и знакомство с врагами (De Ruiter et al., 2011).

веческого общества, которое состояло бы исключительно из группы собратьев: этакой группы взаимного восхищения из всеобщих друзей и семьи. Думать иначе – значит превратно понимать природу дружбы и, следовательно, понимать, что такое наш личный круг друзей. Будь то в перенаселенной Индии, или в полинезийском островном государстве Тувалу с населением 12 000 человек, или в крошечном племени эль-моло, живущем на берегах озера Туркана в Кении, – никто не дружит и не сотрудничает с каждым членом общества: люди выбирают. Когда Иисус сказал возлюбить ближнего как себя самого, он не имел в виду, что вы должны стать другом каждому. Если не считать эль-моло, наши общества включают по меньшей мере некоторое число людей – чаще всего огромное, – с которыми мы никогда не встретимся, не то что станем друзьями. И, не говоря уже о тех, кого мы не выбираем в приятели, или о тех, кто отвергает нас, наш злейший враг почти наверняка обладает паспортом нашей страны.

Данные о взаимодействии индивидуумов свидетельствуют о таком же расхождении между числом Данбара для видов и размером их сообществ. Сообщества шимпанзе часто насчитывают намного больше сотни членов, но даже сообщество из 50 особей, которое, по расчетам Данбара, могло бы состоять исключительно из закадычных друзей, в действительности таковым никогда не бывает²⁶.

«Когнитивные ограничения размера группы» (фраза Данбара) озадачивают некоторых сторонников гипотезы «социального мозга» потому, что они путают социальные сети, то есть сети социальных связей (описываемые, например, числом Данбара; в них сила социальных связей варьируется и зависит от взглядов каждого человека), с обособленными группами (наиболее яркий пример – сами общества)²⁷. И те и другие играют важную роль в жизни людей и других животных. Общества, с их четкими границами, обеспечивают самую благодатную почву, на которой могут вырасти долгосрочные, пусть даже постоянно изменяющиеся, сети сотрудничества. Несмотря на то что временами эти сети могут включать каждого члена общества, наибольшего расцвета они достигают среди тех людей, что хорошо ладят друг с другом, и основой являются интеллектуальные способности и навыки сотрудничества каждого человека.

Общества, границы между которыми определяются с помощью идентичности их членов, основаны не только на личных связях соратников. В отличие от других видов животных, люди поддерживают социальную жизнь и прочные социальные сети с помощью множества сформулированных правил, передаваемых от одного общества к следующему. Ради взаимной выгоды мы тщательно прорабатываем способы действий (и наказаний) для обеспечения честного обмена и этичного поведения, применимые во многих сферах. Уборщик мусора делает свою работу, собирая мусор за незнакомцами, и получает зарплату. Он покупает кофе в магазинчике на углу у незнакомого продавца и может обратиться к сотне незнакомцев в церкви или на собрании профсоюза. Но управление такими взаимодействиями имеет границы. Несмотря на общие экономические выгоды и безопасность, обеспечиваемые обществом, разногласия между фракциями, особенно в том, что считать выполнением своих обязанностей и взаимной выгодой, могут быть болезненными. Однако подобные споры – это самое малое. Ни одно общество не обходится без преступлений и насилия (противоположность кооперации), совершаемых одним полноправным членом общества или группой лиц против другого. И все же общества могут существовать веками, даже если нарушение нормальной деятельности ускоряет их распад, – на ум сразу приходит Римская империя, хотя было бесчисленное множество других.

²⁶ Это справедливо и для других видов. Как указывает биолог Джордж Шаллер (1972, 37), общение между львами не влияет на состав прайда.

²⁷ Dunbar (1993), 692. Стоит повторить цитату целиком: «Как такое возможно, что, несмотря на явные когнитивные ограничения размера группы, современные человеческие общества тем не менее способны образовывать чрезвычайно большие группы (например, национальные государства)?» В качестве ответа на этот вопрос Данбар предлагает способность людей классифицировать членов общества по их социальным ролям, однако знание о том, чем люди занимаются, не объясняет состав обществ и существование четких границ между ними.

Как бы то ни было, в целом общества будут благоприятствовать сотрудничеству. Для того чтобы разрушить общество, вероятно, требуется гораздо больший эгоизм и намного больше поводов для раскола, чем можно вообразить. В книге «Люди гор» (The Mountain People) британский антрополог Колин Тернбулл описал моральное разложение народа ик, живущего в Уганде, во время катастрофического голода 1960-х гг., который привел к пренебрежению социальными связями и гибели детей и стариков. Рассказ Тернбулла продемонстрировал, насколько расшатывается общество в условиях стресса; тем не менее народ ик выжил²⁸. Точно так же Венесуэла остается невредимой, несмотря на многочисленные экономические кризисы и количество убийств в ее столице, Каракасе, которое в некоторые годы превышает этот показатель в зоне боевых действий. Каждый раз, когда я приезжаю в Венесуэлу к своему бесстрашному другу, он на высокой скорости везет нас по ужасным задворкам, чтобы не попасть под пулю *motorizados*²⁹ на скоростном шоссе. Невзирая на все это, он любит свою страну. Удивительно то, что венесуэльцы демонстрируют точно такой же уровень привязанности по отношению к своей стране и гордятся ею точно в такой же степени, что и американцы – своей³⁰. Общества переживали и худшее. Например, во времена золотой лихорадки в Калифорнии уровень убийств намного превышал этот показатель в современной Венесуэле.

Хотя разногласия и неприветливость способны привести к износу ткани общества, их противоположность – кооперация – вовсе не обязательно объединяет общество или отделяет его от других обществ. Это справедливо, даже когда сотрудничество вносит вклад в накопление социального капитала, который повышает продуктивность целого. Самый серьезный недостаток утверждения, будто жизнь в обществе основана на кооперации, заключается в том, что при таком подходе игнорируется многое из того, что превращает существование в обществе в проблему. Социолог XIX в. Георг Зиммель рассматривал сотрудничество и конфликт как неразделимые «формы обобществления», каждая из которых невообразима без другой³¹. Излишне концентрироваться на кооперации – значит отбирать выгодные факты.

В сообществах наших родственников, человекообразных обезьян, доброта и кооперация – тоже лишь часть картины. Шимпанзе угрожают друг другу или открыто сражаются из-за статуса, а потерпевших поражение иногда изгоняют или убивают. Незначительная помощь, которую обезьяны оказывают друг другу, помимо связей между матерью и детенышем, обычно становится реальной, когда несколько особей действуют вместе и сражаются с соперниками, для того чтобы, свергнув их, один из «восставших» получил статус альфа-самца. Шимпанзе также объединяются для охоты на красных колобусов³², но, согласно некоторым описаниям, они действуют скорее одновременно, чем совместно. Тот шимпанзе, что получит мясо, может дать другим попробовать добычу, но только если те будут попрошайничать³³. Бонобо, которые выглядят как обыкновенные шимпанзе, но с маленькой головой и розовыми губами, более

²⁸ Turnbull (1972). Некоторые ученые сомневаются в интерпретации Тернбулла (например, Knight, 1994).

²⁹ Мотоциклисты (исп. *венесуэл.*).

³⁰ По крайней мере, так было на момент проведения Европейского исследования ценностей и Международного исследования ценностей. См. European Values Study Group and World Values Survey Association, 2005.

³¹ Simmel (1950). (Зиммель Г. Избранное. Проблемы социологии / Сост. С. Я. Левит. М.; СПб.: Университетская книга, Центр гуманитарных инициатив, 2015.)

³² Красный колобус – вид обезьян из семейства мартишковых. Систематическое положение: Подотряд: Anthroidea (Симины), Секция: Catarrhini (Симины Старого Света), Надсемейство: Cercopithecoidea (Низшие узконосые обезьяны), Семейство: Cercopithecidae (Церкопитециды), Подсемейство: Colobinae (Тонкотелые обезьяны), Триба: Colobini (Толстотелы), Род: Piliocolobus (Красные колобусы). Вид: Piliocolobus badius (Красный колобус) // Дерягина М. А., Бутовская М. Л. Систематика и поведение приматов. М.: Энциклопедия российских деревень, 2004. С. 33. — Примеч. науч. ред.

³³ Шимпанзе иногда бывают щедрыми с тем сородичем, который, вероятнее всего, может им оказать услугу иным способом (Silk et al., 2013).

великодушны, но все же при первой возможности способны украсть еду у сородичей и не более склонны действовать в команде³⁴.

Даже общественные насекомые, сам символ бездумной кооперации, могут сталкиваться с внутренней борьбой и действовать эгоистично. Несмотря на то что у большинства видов общественных насекомых обычно только царица (матка) – единственная особь, которая размножается, у медоносных пчел и некоторых муравьев некоторые рабочие особи ведут «подрывную деятельность» и откладывают яйца. Гнезда этих видов насекомых могут быть настоящими полицейскими государствами, в которых рабочие с неусыпной бдительностью ведут поиск, чтобы уничтожить любое яйцо, не принадлежащее царице³⁵. О каком бы виде ни шла речь, индивидуумы, которые не выполняют свою долю работы, тянут за собой остальных. То, каким образом общества, от артроподов до людей, справляются с мошенниками и принуждают к справедливости, само по себе является предметом отдельной области исследований³⁶.

При рассмотрении сообщества с его строго определенным составом возникает вопрос: насколько развитым должно быть сотрудничество между животными, чтобы сообщество сохранилось? В теории – не слишком. Для изгнания чужаков, возможно, требуется минимум совместных усилий. Представьте одинокое животное, которое охраняет свою территорию, бросая камни в любого, кто к ней приблизится. А теперь представьте несколько таких существ, поселившихся на территории вместе. Каждый из них бросается камнями в чужаков так же, как и до этого, но за одним исключением: они не трогают друг друга. Такое молчаливое соглашение «не наносить вред», так сказать, сосуществовать в мире, представляет собой элементарную форму сотрудничества.

Конечно, сообщества не появились бы, если бы они не предоставляли конкурентные преимущества самой группе (биологи-эволюционисты называют это групповым отбором) или ее отдельным членам либо и группе, и ее участникам³⁷. Что может быть привлекательного в подобной жестокой группе? Создание такого сообщества будет иметь смысл, если, скажем, десять животных, бросающихся камнями таким способом, смогут удержать территорию, более чем в десять раз превышающую размер участка, который мог бы занять каждый из них по отдельности, или с меньшими усилиями и риском для каждого участника смогут захватить лучшую территорию. Возможно также, что, удерживая других за пределами участка, они исключают особей, в отношении которых нет ясности, смогут ли те выстоять под бросками камней, и при этом пользуются исключительной возможностью спариваться друг с другом (даже если продолжают вести ожесточенную внутреннюю борьбу за брачных партнеров).

Исследования царства животных показывают, что сообщества существуют, даже когда для его членов характерно слабо выраженное «просоциальное» поведение, называемое протосотрудничеством: животные, возможно, случайно оказывают дружескую услугу³⁸. Кошачьи лемуры Мадагаскара – наиболее яркий пример для демонстрации столь скромных ожиданий. Члены стада мало помогают друг другу, за одним исключением – они объединяют силы для

³⁴ Jaeggi et al. (2010). Майкл Томаселло (Tomasello, 2011, см. также 2014) считает охотников-собирателей более склонными к сотрудничеству во всех сферах по сравнению с человекообразными обезьянами: «Сотрудничество – это отличительная черта человеческих обществ, существующая в форме, ненаблюдаемой в сообществах других человекообразных обезьян» (р. 36).

³⁵ Ratnieks & Wenseleers (2005).

³⁶ Например, Bekoff & Pierce (2009); de Waal (2006).

³⁷ Социальная жизнь может приносить выгоду одной группе по сравнению с другой, даже когда особи внутри такой группы не извлекают пользу непосредственно и не связаны родством (групповой отбор) или когда существуют преимущества как для особи, так и для группы (многоуровневый отбор) (см., например, Gintis, 2000; Nowak, 2006; Wilson & Wilson, 2008; Wilson, 2012). Я не буду подробно останавливаться на указанных альтернативах, поскольку дискуссии на эту тему широко освещаются. Казалось бы, для группового отбора требуется стабильность сообществ. Тем не менее я считаю, что, поскольку большинство видов продолжает существовать, сообщества дают достаточно преимуществ отдельным их членам, поэтому нет необходимости ссылаться на групповой или родственный отбор.

³⁸ Allee (1931); Clutton-Brock (2009); Herbert-Read et al. (2016).

атаки на чужаков³⁹. Один специалист полагает, что сурки, млекопитающие из семейства беличьих, даже *не нравятся* друг другу, но все же считают скучивание для сохранения тепла достаточной причиной для того, чтобы оставаться вместе. В то же время другой ученый описывает клан барсуков (социальных животных) как «тесное сообщество одиночных животных»⁴⁰. Даже люди остаются преданными группам, участники которых не ладят друг с другом, и наша готовность прийти на помощь часто зависит от требований, предъявляемых к нам обществом⁴¹.

Общества, которые ладят друг с другом

Когда испанские каравеллы «Санта-Мария», «Нинья» и «Пинта» прибыли в Новый Свет, одно общество приветствовало с дарами, а другое поработало. Локальная группа индейцев таино, племя из группы араваков, о которых Христофор Колумб писал, что «все как мужчины, так и женщины ходят нагишом, в чем мать родила», приплыли на каноэ, чтобы приветствовать вновь прибывших. Не понимая ни слова из того, что говорят испанцы, индейцы осыпали их подарками, предоставили пресную воду и пищу. Колумб оставил запись о более циничной реакции европейцев на индейцев: «Они должны быть хорошими и толковыми и сметливыми слугами... достаточно пятидесяти человек, чтобы держать их всех в покорности и заставить делать все, что угодно... Как только я прибыл в Индию, на первом же открытом мною острове я взял силой несколько человек, чтобы, обучившись, они могли бы давать сведения о том, что имеется в этих краях»^{42,43}.

Разительный контраст между этими двумя мировоззрениями (открытость и доверие с одной стороны и коварство и эксплуатация – с другой) тревожит, но вряд ли поражает нас. Мы, люди, обладаем способностью определять, кто принадлежит к нашему обществу, а кто – нет, и проводим резкую границу между тем, что психологи называют ингруппой (внутренняя группа, «мы»-группа) и аутгруппой (внешняя группа, «они»-группа), даже если мы дружелюбно настроены к последней. Мы с детства учимся относиться к чужакам как к возможной угрозе или к благоприятной возможности (так считали араваки и Колумб, рассматривавшие ситуацию по-разному).

Таким образом, мы получили еще одно доказательство, почему сотрудничество не всегда указывает, где заканчивается одно общество и начинается другое. Вне всякого сомнения, среди толпы в вестибюле Центрального вокзала есть иностранцы, эффективно взаимодействующие с гражданами США. Следовательно, так же, как можно иметь врагов и союзников в собственном обществе, члены одного общества могут поддерживать знакомство, дружить и сотрудничать с членами другого. Товарищеские отношения между сообществами в редких случаях встречаются и у других видов животных. Бонобо называют обезьянами-«хиппи», потому что они предпочитают мир провокациям. И все-таки я бы поспорил на то, что отдельные бонобо время от времени встречают врагов в других сообществах. Даже противник войны не может быть в хороших отношениях со всеми.

Та легкость, с которой сегодня люди могут попасть в другие страны, вывела наши контакты с чужаками на новый уровень, который, как мы увидим дальше, не имеет аналогов в

---

³⁹ Самки иногда несут чужого младенца или вместе набрасываются на ту самку, которая им не нравится (Nakamichi & Kouama, 1997).

⁴⁰ Даниэль Блумштейн и Кристина Бушинг, в личной беседе; Kruuk (1989, 109). Сурок-самец также стремится изгнать самцов-конкурентов, но трудно сказать, является ли это преимуществом для кого-нибудь, кроме него самого. Бобры живут в отдельных замкнутых группах, но мне неясно, характерно ли это и для сурков (например, Armitage, 2014).

⁴¹ Henrich et al. (2004); Hogg (1993).

⁴² Цит. по изд.: Путешествия Христофора Колумба. Дневники, письма, документы / Пер. с исп. Я. М. Света. М.: Государственное издательство географической литературы, 1952. С. 66, 67, 91, 93.

⁴³ Цитируется из бортового журнала Колумба в Zinn (2005), 1–2.

природе. Современная жизнь действительно испытывает на прочность нашу терпимость по отношению к другим, по-новому трансформируя нашу идентичность. Но на этом пути общества остаются с нами.

Сотрудничество без сообществ

Отправиться с Терри Эрвином в тропический лес в Перу – это значит подниматься на рассвете. Пока ветер еще не сильный, Терри, энтомолог из Смитсоновского музея естественной истории, загружает в аэрозольный генератор биоразлагаемый инсектицид и направляет его струю вверх так, что бледно-серый туман поднимается между деревьями. Слышен слабый шум дождя, но воды нет: звук, похожий на стук капель, – это результат столкновений крошечных телец с листьями, раскинувшимися над землей. С годами Эрвин узнал, насколько богаты тропики: по его оценкам, на участке тропического леса площадью 1 гектар обитают 30 миллиардов особей, принадлежащих к 100 000 видов⁴⁴.

Куда бы я ни поехал, меня поражает разнообразие живых существ. Данные, полученные Эрвином и другими учеными, заставляют нас рассматривать сообщества в как можно более широком контексте с точки зрения мирового биоразнообразия. Что поразительно: огромное число организмов прекрасно живут как одиночные особи. Это справедливо более чем для 99 % видов, устроившихся на деревьях, в Перу или где бы то ни было. За исключением необходимости спариваться и, возможно, растить потомство, не всегда понятно, зачем вообще живое существо должно оставаться в близких отношениях с другими ему подобными. Поскольку люди – существа, способные получать удовольствие от пребывания в компании других, мы редко задумываемся над этим вопросом. Однако птицы одного полета, будь то настоящие птицы или люди, – это потенциальные конкуренты, претендующие на одни и те же ресурсы: пищу и питье, возможности для секса и место, которое можно назвать домом и в котором можно растить потомство. У многих видов отдельные индивидуумы собираются в группы лишь случайно, чтобы отстаивать пищевые ресурсы или драться за них, подобно тому, что происходит, когда множество белок собирают орехи. Одиночное существование – безопасный способ сохранить то, что индивидууму удалось добыть с таким трудом. Для того чтобы жизнь в толпе окупилась – в любой толпе, не говоря уже о целом обществе, – приобретать что-то приходится, имея дело с нуждами и алчностью других.

Один из вариантов – сотрудничество с этими другими в подходящей ситуации, и наличие такой возможности указывает на последнее затруднение, которое возникает, когда кооперация ассоциируется с сообществами: хотя сотрудничающих особей можно назвать социальными, это не означает, что они образуют сообщество. В своей книге «Хозяева Земли: социальное завоевание планеты человечеством» эколог Эдвард Уилсон, мой герой и наставник, отмечает, что социальные животные – те, что в какой-то момент своей жизни собираются вместе, чтобы извлечь некую взаимную выгоду, – распространены повсеместно⁴⁵.

И все же некоторые виды сделали шаг к эволюции сообществ. Подумайте о двух основных социальных единицах: брачной паре и матери с детенышами. Не у всех животных встречается даже такой вид социального взаимодействия. Лосось мечет икру в толщу воды для оплодотворения, а черепахи оставляют свою кладку после того, как запрячут яйца в песок. Однако новорожденные детеныши и вылупившиеся птенцы очень слабы, так что стратегически важно поддерживать их, пока они беспомощны. У всех птиц и млекопитающих, а также у некоторых видов животных, принадлежащих к другим классам, матери заботятся о детенышах в этот кри-

---

⁴⁴ Erwin & Geraci (2009). Больше информации о ковре биоразнообразия см. в Moffett (1994).

⁴⁵ Wilson (2012). (Уилсон Э. Хозяева Земли: социальное завоевание планеты человечеством / Пер. с англ. Н. Ленцман. СПб.: Питер, 2014.)

тический период. В некоторых случаях, как у странствующего дрозда, помогают отцы. Подобный вид взаимодействий получил такое же широкое распространение и настолько же прочен, как и группа: большинство таких небольших семей действует в одиночку, а не как часть устойчивого сообщества.

Для процветания сети союзников или близких друзей тоже нет необходимости в сообществе. Например, у орангутанов сообществ нет, и большую часть времени эти животные – одиночки, но приматолог Шерил Нотт рассказала мне, что самки орангутанов, встретившиеся в подростковом возрасте, потом будут периодически проводить время вместе. Или вот еще пример: два или более гепарда (чаще всего братья, но не всегда) стремятся действовать совместно, чтобы защитить территорию⁴⁶. И все-таки, по моей оценке, дружба, отличающаяся от сексуального партнерства, чаще всего процветает именно в сообществах. Такая закономерность наводит на мысль, что устойчивые составы сообществ обеспечивают надежную основу для своего рода близких взаимоотношений, которые вызывают удивление у сторонников гипотезы «социального мозга».

Тем не менее находиться вместе с другими индивидуумами, пусть даже в краткосрочных отношениях, не связанных с выращиванием детей или дружбой, может быть полезно. Вспомните о хоре птиц, появляющихся и исчезающих, как шумные подростки на вечеринке. Такие стаи представляют собой социальные связи, способные привлечь любого, находящегося поблизости: стаи защищают птиц от хищников, обеспечивают встречу с брачными партнерами или заставляют подняться вверх насекомых, которых можно съесть⁴⁷. По сравнению с одиночным полетом некоторые птицы тратят меньше энергии при миграции в стае, летящей клином. Косяки сардин и стада антилоп приносят такую же выгоду, даже когда участники не привязаны к конкретному объединению⁴⁸. Кроме пользы от объединения, встречаются также случаи альтруизма, когда одни животные помогают другим с некоторым ущербом для себя. При встрече с хищником несколько рыб из стаи обыкновенных гольянов отправляются вперед и подплывают к нему, а остальной косяк явно оценивает опасность ситуации по тому, насколько агрессивно хищник реагирует⁴⁹. Когда дело касается родственных особей, такое благородство имеет особую логику с эволюционной точки зрения, потому что индивидуумы «продвигают» собственные гены, помогая таким родственникам, как показывает элементарный пример с парой странствующих дроздов, растящих потомство: это родственный отбор.

Близость к другим может обеспечивать и откровенно своекорыстные интересы, поскольку вместе безопаснее. Я обратил внимание на этот факт, еще будучи студентом, во время своей первой экспедиции в тропики. В Коста-Рике я присоединился к лепидоптерологу Аллену Янгу, который попросил меня вести наблюдение за поведением гусениц бабочки *Mechanitis polymnia* из подсемейства данаид семейства нимфалид. Грузные гусеницы поедали листья сорняков, отдыхали и передвигались плотными группами. Их проклятием были пауки и осы; тех гусениц, что находились с внешней стороны группы, хватили и съедали первыми. Я сделал вывод, что инстинкт выживания заставляет гусениц собираться вместе, при этом каждая старается втиснуться между остальными, а слабые обречены на гибель. При описании результатов я выяснил, что Уильям Дональд Гамильтон, известный биолог, уже рассматривал подобное поведение – стремление пробраться в центр с периферии – в косяках рыб, стадах млекопитающих и других группах и назвал их «эгоистичными стадами»⁵⁰. Несмотря на свой эгоизм, мои гусеницы помогали друг другу, но только изредка. Поодиночке им пришлось бы долго

⁴⁶ Caro (1994).

⁴⁷ В этом случае к группе могут присоединяться разные виды (см., например, Sridhar et al., 2009). Стаи, представляющие собой самостоятельные сообщества, будут рассматриваться в главе 6.

⁴⁸ См., например, Guttal & Couzin (2010); Krause & Ruxton (2002); Gill (2006); Portugal et al. (2014).

⁴⁹ Энн Магурран, в частной беседе; Magurran & Higham (1988).

⁵⁰ Hamilton (1971).

прокладывать дорогу сквозь жесткую кутикулу ворсистого листа, чтобы начать пир; как группа, они быстрее достигают результата, поскольку первая добившаяся успеха гусеница делает лист доступным каждому для питания⁵¹.

Важно, что мои гусеницы – так же как и стаи обыкновенных голянов, гнездящиеся странствующие дрозды и собирающиеся в стаи гуси – сотрудничают, но не имеют сообществ. Когда я смешал разное потомство одного вида, гусеницы, по-видимому, прекрасно поладили друг с другом, поскольку их компаньоны были такого же размера. То же самое наблюдается, когда особи могут объединиться вынужденно, например, когда другой вид, гусеницы коконопрядов, присоединяется, чтобы сплести шелковый шатер большего размера, который лучше защищает в холодную погоду⁵². Подобным образом общественные ткачи⁵³, обитающий в Африке вид птиц, встраивают свои гнезда среди многих других для формирования большой общей структуры, обеспечивающей вентиляцию воздуха для всех жителей. Птицы присоединяются к таким колониям и покидают их по своему выбору, пусть и на несколько месяцев, а не постоянно, как птицы во многих стаях. Несмотря на то что некоторые птицы узнают друг друга, колония, как стая, не закрыта для чужаков. К любым вновь прибывшим относятся терпимо, если только они найдут место для гнезда⁵⁴.

Словом, те, кто ставит знак равенства между обществом и кооперацией, понимают это превратно. Типичное общество включает все разнообразие отношений, хороших и плохих, дружеских и враждебных. Принимая во внимание, что сотрудничество может процветать как внутри самих обществ, так и между ними и там, где нет обществ вообще, лучше рассматривать общество не как объединение занимающихся совместной деятельностью индивидуумов, а как определенный тип группы, в которой каждый обладает чувством принадлежности, обеспечиваемым за счет стойкой общей идентичности. Принадлежность к обществу (у людей) или к сообществу (у других видов животных) – это вопрос «да/нет», и неоднозначность – крайне редкий случай. Перспективы объединений, будь то на основе дружбы, семейных связей или социальных обязательств, могут быть разными по значимости среди первостепенных адаптивных преимуществ, обеспечиваемых сообществами у многих видов, и тем не менее не являются необходимым компонентом уравнения. Мизантроп без семьи, преисполненный презрением ко всему человечеству, по-прежнему заявляет о принадлежности к вашему государству. Так и есть, независимо от того, живет ли он как отшельник вне системы или как паразит внутри нее⁵⁵. Члены общества объединены идентичностью независимо от того, взаимодействуют ли они регулярно или желают выручить друг друга, хотя общая принадлежность может быть твердым первым шагом к превращению таких отношений в реальность.

Так что же появилось сначала (проблема курицы и яйца): принадлежность к группе или сотрудничество? Вопрос о том, было ли необходимым для появления обществ существование более развитой кооперации, или принадлежность к группе должна была стать реальностью до того, как долгосрочное сотрудничество вообще сделалось возможным, остается открытым. Какова бы ни была первоначальная причина, следующая глава знакомит нас с множеством преимуществ, которые сообщества предлагают нашим дальним родственникам – позвоночным животным в дикой природе.

⁵¹ Такой тип поведения был описан у насекомых ранее (Ghent 1960).

⁵² Costa (2006), 35.

⁵³ Название приведено в соответствии с изданием: *Коблик Е.* Разнообразие птиц (по материалам экспозиции Зоологического музея МГУ). Ч. 4. (Отряд Воробьинообразные – продолжение.) М.: Изд-во МГУ, 2001. С. 238.

⁵⁴ Рене ван Дейк, в частной беседе; van Dijk et al. (2013 & 2014).

⁵⁵ О том, как общества решают вопрос о справедливости и «безбилетниках», см., например, Boyd & Richerson (2005). 2. Что позвоночные животные получают, находясь в сообществе

2

Что позвоночные животные получают, находясь в сообществе

Животные в сообществе конкурируют так же, как и представители живущих обособленно видов. Они конфликтуют из-за того, кому что достанется, из-за права на спаривание, создание дома и выращивание потомства. Не все преуспевают. Что принадлежность к сообществу действительно обеспечивает, так это определенную безопасность при встрече с остальным миром. Это справедливо даже для тех сообществ, члены которых делают мало полезного друг для друга, за исключением изгнания чужаков. Ставка на то, что принадлежность к успешному, или доминантному, сообществу даст каждому его участнику возможность в конечном итоге получить более крупный кусок пирога, а не маленькую порцию, которую бы они заслужили, действуя поодиночке или в более слабом сообществе. Хотя слабо связанные и временные группы имеют свои преимущества, как только животные адаптируются к жизни в постоянных сообществах, им трудно возвращаться к выживанию в одиночку. Любой индивид вне сообщества или в разрушающемся сообществе подвергается риску.

Позвоночные животные, точнее говоря, млекопитающие, – хорошая отправная точка для рассмотрения преимуществ сообществ, особенно потому, что мы сами относимся к млекопитающим, и эволюция человека как таковая является центральной темой этой книги. Это вовсе не значит, что другие позвоночные не имеют сообществ. У некоторых видов птиц, таких как флоридская кустарниковая сойка, оперившиеся птенцы помогают своим родителям растить младших братьев и сестер. Учитывая такое «перекрывание поколений», как называют это биологи, группы этих птиц представляют собой простейший вид сообщества. Или рассмотрим живущих в раковинах цихлид *Neolamprologus multifasciatus*, вид рыб, обитающий в озере Танганьика в Африке⁵⁶. Сообщества, в состав которых входит до 20 цихлид, охраняют скопления раковин, которые они раскопали в донных отложениях. Каждая рыба имеет персональное жилище в таком скоплении раковин, которое один биолог описал как «комплекс квартир, которым мог бы гордиться современный государственный жилищный фонд»⁵⁷. Размножается только альфа-самец, а чужаки обоего пола включаются в состав колонии только в редких случаях.

Млекопитающие, живущие в сообществах, гораздо более широко известны, и о них говорят гораздо чаще, чем об образующих сообщества птицах или рыбах⁵⁸. Даже в этом случае

⁵⁶ Спасибо Стивену Абрамсу, Айвену Чейзу и Карстену Шрадину за общие консультации по биологии рыб. Bshary et al. (2002); Schradin & Lamprecht (2000 & 2002).

⁵⁷ Barlow (2000), 87.

⁵⁸ Из-за нехватки места я могу предложить всего лишь несколько основных книг (когда доступны любые), посвященных обсуждаемым далее видам. Я благодарен за информацию о сурикатах Эндрю Бейтману, Кристин Дри, Йорану Спонгу и Эндрю Янгу; о лошадях – Джоэлу Бергеру, Уэйну Линклатеру, Дэну Рубинштейну, Аллену Рутбергу (см.: Mills D. S., McDonnell S. M. The Domestic Horse, 2005); о волках – Дэну Сталеру, Дэвиду Мичу и Кире Кэссиди (см.: Mech L. D., Boitani L. (eds). Wolves: Behavior, Ecology, and Conservation, 2003); о гиеновых собаках – Скотту Крилу, Микаэле Гюнтер, Маркусу Гассету и Питеру Аппсу (см.: Creel S., Creel N. M. The African Wild Dog, 2002); о львах – Джону Гриннеллу и Крейгу Пэкеру (см.: Schaller G. B. The Serengeti Lion, 1972); о гиенах – Кристин Дри, Кей Холекамп и Кевину Тейсу (см.: Kruuk H. The Spotted Hyena, 1972); об афалинах, обитающих у восточного побережья США, – Рэндаллу Уэллсу (который опубликовал много научных статей об этих животных); о кошачьих лемурах – Лизе Гулд, Энн Мертл-Миллхоллен, Энн Йодер и покойной Алисон Джолли (см.: Jolly A. et al. Ringtailed Lemur Biology, 2006). Спасибо за информацию о павианах (в этой книге речь идет о видах, обитающих в саванне, – бабуине, медвежьем павиане, или чакме, и анубисе) Сюзан Албертс, Энтони Коллинзу и Питеру Хенци (см.: Cheney D. L., Seyfarth R. M. Baboon Metaphysics: The Evolution of a Social Mind, 2007; Sapolsky R. M. A Primate's Memoir: A Neuroscientist's Unconventional Life Among the Baboons, 2007 (Сапольски Р. Записки примата: необычайная жизнь ученого среди павианов. М.: Альпина нон-фикшн, 2019); о горных гориллах – Стейси Розенбаум; о шимпанзе – Майклу Уилсону и Ричарду Рэнгему (см.: Goodall J. The Chimpanzees of Gombe. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1986 (Гудолл Дж. Шимпанзе в природе: поведение. М.: Мир, 1992). И наконец, благодарю за данные о бонобо Изабель Бенке-Искиердо, Такэси

повторное рассмотрение сообществ млекопитающих с точки зрения принадлежности и идентичности открывает новые перспективы. Обратимся к двум излюбленным примерам: луговым собачкам, обитателям североамериканских равнин, и африканским саванным слонам. Сообщества образуют животные обоих видов, но, оказывается, это вовсе не те группы, к которым приковано всеобщее внимание. Традиционно люди вспоминают о луговых собачках как о животных, живущих в колониях или «городках», а о слонах – как о живущих в стадах. Тем не менее колония или стадо редко представляют собой одно сообщество: это множество сообществ, у луговых собачек – враждебных друг другу, и часто компанейских – у слонов.

Ни одна луговая собачка не отождествляет себя с колонией и не сражается за нее, скорее она лояльна одной из небольших, владеющих землей групп внутри колонии. Такую группу иногда называют «кружок» (это слово подходит, поскольку указывает на группу с ограниченным доступом). У луговой собачки Гуннисона, наиболее хорошо изученного вида из всех пяти, принадлежащих к этому роду млекопитающих, каждый кружок включает до 15 размножающихся взрослых животных (по одному или более каждого пола), занимающих и решительно защищающих участок площадью до 1 га⁵⁹.

Саванные слоны, наоборот, очень общительны в своих популяциях, но лишь одна группа заслуживает того, чтобы называться сообществом⁶⁰. В состав основной группы, иногда называемой просто «ядром», входят до 20 взрослых самок с детенышами. Сообщества – удел самок. Каждый самец, достигнув зрелости, идет своей дорогой и никогда не становится частью «ядра». Основные группы часто можно определить по их реакции друг на друга, временами даже тогда, когда общаются сотни слонов из множества основных групп. Для сохранения своего особого состава основные группы обычно не дают чужакам задерживаться рядом с ними надолго, даже тем животным, которые нравятся членам группы. Взаимоотношения между основными группами сложные. «Ядра» формируют связи, образуя связанные группы, но эти социальные сети непостоянны, и отношения внутри различны: «ядро» А может установить крепкие отношения с В и С, и в то же время С избегает В. Только сами основные группы сохраняют особый состав в течение длительного времени.

Жизнь саванных слонов в основных группах отличается от жизни двух других видов слонов: африканского лесного слона и индийского слона, которые, хотя и являются социальными животными, не имеют обособленных сообществ⁶¹. Ответ на вопрос, не превращает ли отсутствие сообществ эти виды в не столь высокоразвитые, зависит от того, что подразумевается под «развитостью». Вполне можно сказать, что индийский слон – более развитый вид, поскольку у его представителей отношение массы мозга к общей массе тела больше, чем у саванных слонов. А может быть, саванный слон, сконцентрировавший свое внимание на основной группе, упрощает себе жизнь за счет сокращения каждодневных социальных обязательств и выполнения их лишь по отношению к нескольким компаньонам из основной группы. Представители видов, ведущих одиночный образ жизни, таких как ласки и медведи, должны полностью и постоянно полагаться только на себя, и, возможно, это объясняет, почему они сообразительнее представителей видов, живущих в сообществах, как показывает оценка их находчивости при решении задач⁶². Азиатским слонам, в действительности стадным животным, вероятно, приходится сталкиваться с постоянными когнитивными вызовами, потому что по сравнению с саванными

Фуруити, Мартина Сурбека, Нахоко Токуяму и Франса де Ваала (см.: *Boesch C. et al. Behavioural Diversity in Chimpanzees and Bonobos*, 2002; *Furuichi T., Thompson J. (eds). The Bonobos: Behavior, Ecology, and Conservation*, 2007).

⁵⁹ Благодарю Дженнифер Вердолин, Линду Рэйор и Кона Слободчикова за консультацию по луговым собачкам. Rayor (1988); Slobodchikoff et al. (2009); Verdolin et al. (2014).

⁶⁰ Спасибо Элизабет Арчи, Патрику Чийо, Вики Фишлок, Дайане Райсс и Шермин де Сильва за помощь с информацией о слонах. Все, что необходимо знать о таком виде, как саванный слон, собрано в Moss et al. (2011).

⁶¹ De Silva & Wittemyer (2012); Fishlock & Lee (2013).

⁶² Benson-Amram et al. (2016).

слонами, формирующими четкие основные группы, они ведут жизнь, в которой меньше явных социальных границ.

Преимущества сообществ для млекопитающих

Если рассматривать в общих чертах, сообщества предоставляют млекопитающим, от саванных слонов и луговых собачек до львов и павианов, множество средств для обеспечения безопасности наряду с целым рядом возможностей: сообщества защищают своих членов от угроз внешнего мира и одновременно предлагают им доступ к ресурсам, которыми они владеют совместно. Грубо говоря, эти гарантии подразделяются на две свободно перекрывающиеся категории: сообщества обеспечивают и защищают.

Функции по обеспечению ресурсами включают в том числе возможность надолго привлечь надежных помощников, которые могут стать благом для матерей, обеспечивающих пищу и дом для детенышей. Для волков и таких птиц, как флоридская кустарниковая сойка, помимо прочих, характерно кооперативное размножение, и их сообщества основаны на расширенной семье, в которой потомство помогает родителям или близким родственникам растить братьев и сестер. Присмотр за детенышами, пока мать отлучается, чтобы покормиться, – это обычная практика у многих видов, но сурикаты-помощники также убирают нору и приносят детенышам добытых насекомых⁶³. У некоторых обезьян от самки-помощника мало толку; тем не менее, если у нее самой до этого не было детенышей, ей полезно попрактиковаться в обращении с малышом под пристальным наблюдением нервничающей матери⁶⁴.

Другие преимущества сообществ проявляются в том, что члены сообщества, хорошо знающие друг друга, на протяжении жизни могут добывать пищу с помощью эффективных групповых усилий. Хищники, охотящиеся на крупную дичь, получают добычу, которая становится неожиданной удачей для каждого. Однако у одних видов, таких как гиеновые собаки, сотрудничество является обязательным, а у других – нет: например, львам бывает лень присоединяться к групповой охоте, в которой они зачастую получают мяса не больше, чем в результате преследования добычи в одиночку. Некоторые формы поведения, общие для сообществ млекопитающих, важны, хотя они мало изменились по сравнению с тем, что мы видели у временных объединений, подобных птичьим стаям. Например, сурикаты и кошачьи лемуры полагаются на свою численность для определения участков, где находится пища, и, оставаясь вместе, поднимают тучи насекомых, которые становятся легкой добычей. Известно, что павианы стараются держаться рядом с самым успешным добытчиком в их группе и иногда даже крадут у него (или нее) лакомые кусочки.

Вероятно, у афалин, обитающих у западного побережья Флориды, сообщества служат главным образом иной цели: позволяют животным адаптироваться к местным условиям. Воспитание дельфина – это совместная ответственность, и детеныши усваивают традиции, передающиеся из поколения в поколение. Например, в некоторых сообществах старшие особи учат молодых дельфинов объединяться и, действуя в команде, окружать рыбу до тех пор, пока их добыча не соберется в косяк, который можно гнать на берег. Там дельфины хватают свою будущую добычу и, извиваясь, вновь возвращаются в воду. Подобное социальное обучение играет роль и у таких видов, как шимпанзе⁶⁵.

Защита, которую сообщество предоставляет своим членам, настолько же важна, как и ресурсы, доступ к которым они получают. Конечно, эти два фактора связаны. Поскольку самки шимпанзе могут дезертировать и примкнуть к другому сообществу, если они не получают того,

---

⁶³ Macdonald et al. (2004); Russell et al. (2003).

⁶⁴ Silk (1999).

⁶⁵ Laland & Galef (2009); Wells (2003).

что необходимо для их потомства, самцы обязаны взять на себя тяжелый труд (и связанный с этим риск) по охране членов сообщества и их ресурсов от воинственных чужаков. По-видимому, для самцов нет лучшей прямой мотивации, чем секс⁶⁶. Помимо пищи и воды, многие виды защищают логово для детенышей и держатся за ценные топографические особенности местности: для волков важен хороший обзор; для лошадей – защита от ветра; для шимпанзе – безопасное место для сна. Холмики, контролируемые луговыми собачками и распределенные в «городках», как дома в пригороде, очень важны, подобно раковинам цихлид, в качестве жилых помещений для отдельных членов сообщества – или, как в случае луговых собачек, двух или трех на каждый холмик. Все холмики должны быть защищены от чужаков.

В том, что касается контроля ресурсов, издержки, связанные с борьбой с конкурентами среди самих членов сообщества, компенсируются высокой результативностью: у сообщества много лишних глаз и ушей для обнаружения соперников и других внешних угроз, голосов – для оповещения о появлении врагов, острых зубов и крепких челюстей – для отражения атак. Критически важна защита детенышей: например, слоны в основной группе заслоняют каждого слоненка от львов, а лошади в табуне окружают жеребят, чтобы отбиться от волков. Иногда все обеспокоенные животные принимают участие в защите. Все стадо павианов, вплоть до матерей с малышами, будет считать своим долгом напасть толпой на леопарда, причем некоторые обезьяны получают многочисленные резаные раны, пытаясь загнать леопарда в угол, а иногда и убить его⁶⁷.

Сообщество больше всего конкурирует с другими сообществами, принадлежащими к тому же биологическому виду. Лучшая защита – это нападение. Обычный способ завладеть ресурсами сородичей – защищать не сами «активы», а заявить права на территорию, где они находятся. Территориальность – это выход, если участок можно полностью контролировать или по меньшей мере занять доминирующее положение. Поэтому виды используют один из подходов к выстраиванию международных отношений: возведение стены. У живущих в раковинах цихлид это настоящие стены из песка, сооруженные между комплексами апартаментов, занимаемых разными группами, а млекопитающие, такие как волки и гиеновые собаки, метят свои территории с помощью запаха. Луговые собачки используют преимущества визуальных ориентиров, таких как камни или кустарник; тем не менее даже границы, проведенные через открытое пространство, остаются неизменными и передаются от родителя потомству. Грызуны точно знают, где они находятся, и защищают свою территорию, изгоняя или убивая правонарушителей. Если виду свойственна территориальность, то его сообщества можно идентифицировать, просто нанося на карту передвижения животных, и таким образом показать, что отдельные группы занимают разные участки.

Сообществам некоторых видов, таких как лошади, саванные слоны и павианы – обитатели саванны, не свойственна территориальность. Эти животные населяют ту же местность, что и другие сообщества, принадлежащие к тому же виду. Даже в этом случае они редко беспорядочно блуждают, а остаются на широком участке, который каждая группа знает лучше всего. Эти сообщества ссорятся не из-за доступа к самой территории, а из-за имеющихся на этой земле ресурсов, которые, как правило, слишком разбросаны, чтобы защита всего участка имела практический смысл. Сильное сообщество может захватить либо территорию, либо ресурсы у менее многочисленного сообщества или одиночного животного. Однако не все млекопитающие воюют со своими ближайшими соседями. И сообщества бонобо, и сообщества афалин западного побережья Флориды привязаны к участкам, которые, в сущности, являются их частной собственностью, но почти не воюют, когда появляются чужаки. Такое размещение в гра-

⁶⁶ Mitani et al. (2010); Williams et al. (2004).

⁶⁷ См., например, Cheney & Seyfarth (2007), 45.

нищах без возведенных стен означает, что они сталкиваются с меньшей конкуренцией со стороны соседей⁶⁸.

Иногда нахождение в сообществе служит отчасти для того, чтобы защититься от нападок со стороны представителей собственного вида просто за счет сокращения числа взаимодействий и общения только с несколькими милосердными особями. Например, табун лошадей обычно состоит из взрослых особей обоего пола, однако некоторые табуны прекрасно обходятся без жеребца. Пословица «Известная беда лучше ожидаемой неизвестности» могла бы стать основным лозунгом таких табунов, состоящих только из кобыл, когда те примиряются с присоединением к ним самца. Независимо от того, насколько навязчив жеребец по отношению к кобылам, он способен отогнать бесконечный поток других надоедливых холостяков, сопровождающих табун⁶⁹. У других видов члены сообщества проявляют желание спариваться с чужаками, и животные противоположного пола пытаются предотвратить подобные связи. Посторонний самец кошачьего лемура найдет в чужом стаде самок, стремящихся к спариванию с ним, если ему удастся пробраться не замеченным самцами-резидентами. Самка луговой собачки может отправиться на чужую территорию, чтобы пофлиртовать, несмотря на то что на нее нападут, если обнаружат за этим занятием.

И наконец, последнее преимущество сообществ заключается в их внутреннем разнообразии. Объединение особей полезно не только потому, что это лишние глаза и уши, острые зубы и крепкие челюсти: разные сильные стороны членов сообщества компенсируют их индивидуальные недостатки. Обезьяна с плохим зрением или поврежденной конечностью, или просто плохой добытчик, может следовать по пятам за теми, кто обладает острым зрением и здоровыми конечностями, и извлечь из этого пользу, даже когда сильные особи не собираются специально помогать слабым. Слабые животные тоже способны выполнять определенную социальную роль, скажем, присматривать за малышами.

Отношения внутри сообщества

Во время всех этих занятий – от уклонения или борьбы с хищниками и врагами до защиты от нападков, поиска ресурсов или брачных партнеров, сбора плодов и другого корма, хорового пения и обучения – появляются возможности для сотрудничества между животными и альтруизма. Несмотря на то что характеристикой, объединяющей сообщества, является идентификация как члена сообщества, а не кооперация, сотрудничество определенно может быть преимуществом жизни в сообществе, даже когда участники сообщества по-разному оценивают, что происходит, или когда готовность прийти на помощь касается далеко не каждого. Эгоизм, как в случае гусениц, которые прячутся друг за друга, чтобы не стать чьим-то обедом, редко является основным мотивом для объединения с другими. Но тот факт, что члены сообщества считают своим долгом предпринять такие опасные действия, как попытка павианов всем стадом наброситься на леопарда, указывает на совпадение интересов, хотя у некоторых видов такие союзы более развиты или более широко распространены, чем у других.

Многие случаи установления связей *внутри* сообщества, таких как личные социальные сети, на которые указывает число Данбара, зависят исключительно от индивидуума. Часто ближайший союзник и лучший друг – это член семьи или потенциальный сексуальный партнер, но не всегда. И волки, и лошади обращаются к особенно уважаемым компаньонам за утешением и поддержкой⁷⁰. Подобным образом львицы, которые растят детенышей в одно и то же время, создают тесное партнерство, называемое яслями. Часто завязавшаяся еще в детстве дружба

⁶⁸ В этой книге освещаются только обыкновенные афалины Флориды, изучением которых занимался Рэндалл Уэллс: поведение афалин где-то в другом месте может отличаться, кроме того, это может быть другой вид афалин.

⁶⁹ Linklater et al. (1999).

⁷⁰ Palagi & Cordoni (2009).

между самцами афалины, парой детенышей от разных матерей, сохраняется всю жизнь: они вместе ухаживают за самками и отгоняют соперников-самцов.

Тесная дружба и сеть союзников не гарантирует, что жизнь в обществе будет безоблачной, как стало ясно из предыдущей главы. Не каждый человек может себе позволить квартиру в пентхаусе, и не каждый волк – главный в стае. Сообщества могут стать настоящей ареной социальной, а иногда и физической борьбы, и на кону – доля каждого индивидуума в объеме групповых ресурсов. Животные часто остаются верными сообществу, несмотря на борьбу за власть и огорчения, боль и травлю, держась за предоставляемые наряду со всем этим возможности: каждый борется за собственный вариант «американской мечты». Для кого-то этот процесс оказывается более трудным, чем для других. Разной властью могут обладать не только разные сообщества, но и разные особи внутри сообществ. Контроль со стороны доминантных особей, часто находящихся на вершине социальной иерархии, представляет серьезную помеху для достижения успеха во многих сообществах приматов и вызывает сильный психологический стресс⁷¹. Такая же ситуация наблюдается у пятнистых гиен – единственного вида гиен, образующих сообщества. В частности, большинство альфа-самцов пятнистых гиен обладают penisом меньшего размера и у них вырабатывается меньше тестостерона по сравнению с их жестокими сородичами женского пола (у самок имеется анатомическая структура, относящаяся к наружным половым органам, которая называется псевдопенисом), а статус самца настолько низкий, что любой щенок может отогнать его от пищи⁷². Если рассматривать в сравнении, то саванные слоны, афалины и бонобо ведут идиллическую жизнь, но они тоже сталкиваются с разногласиями: с непопулярными слонами плохо обращаются сестры, дельфины дерутся за брачных партнеров, а мать бонобо вмешивается, чтобы отпугнуть любых самцов, донимающих ее сына, когда тот пытается спариться с самкой.

У доминантного положения есть свои преимущества, даже для тех, кому не удалось этого добиться. Безусловно, как только иерархия установлена исходя из физических и умственных дарований каждого индивидуума (а у некоторых видов – на основе статуса его матери), конфликт может быть исчерпан, что является наградой для всех. Если положение особи определено, то обезьяна с низким статусом может прекратить тратить время на конфронтацию с особями, занимающими более высокое положение, и сосредоточиться на улучшении своей позиции среди находящихся на той же ступени, может быть, таких же несчастных. Не примирившись со своим положением, члены сообщества изнуряли бы себя. Человеческие общества, так же как и сообщества животных, распались бы на кусочки в условиях всеобщей неослабевающей борьбы за достижение успеха⁷³.

Кажется, что и дружелюбный бонобо, зависящий от защиты своей матери, и павиан, испытывающий стресс из-за своего социального положения, живут по принципу Майкла Корлеоне, озвученному в фильме «Крестный отец. Часть 2»: «Держи своих друзей близко, а врагов – еще ближе». В рамках предсказуемого состава сообщества животные могут следить и за друзьями, и за противниками, совершенствуя взаимоотношения, хорошие и плохие, и иногда даже выгодно сотрудничая с соперниками.

Возможно, это объясняет поведение бонобо, вида, для которого преимущества сообществ не столь очевидны: эти человекообразные обезьяны, в отличие от шимпанзе, мало конкурируют, дружат с чужаками и находят среди них сексуальных партнеров, сталкиваются лишь

⁷¹ См., например, e. g., Gesquiere et al. (2011); Sapolsky (2007).

⁷² Van Meter (2009).

⁷³ Это не значит, что мечты об успехе не дают людям стимул, но фантазии Уолтера Митти, персонажа, созданного Джеймсом Тёрбером, редко воплощаются в реальность, а одержимость стремлением стать королем – это патология, если только человек не находится в настоящей очереди на престол. Люди склонны верить в свой потенциал при достижении целей больше, чем для этого имеется настоящих оснований, и все же, по-видимому, не менее счастливы, если не преуспевают (Gilbert 2007; Sharot et al. 2011).

с немногими хищниками и редко нуждаются в помощи во время поиска корма или ловли крупной добычи⁷⁴. Бонобо действительно могут быть дружелюбными, даже щедрыми по отношению к чужакам⁷⁵. Кажется, будто они могли бы вести себя точно так же, если бы жили без обособленных сообществ, о которых стоило бы говорить, и все же границы сообщества остаются. Зачем же тогда нужны сообщества? Возможно, сообщества бонобо существуют по самой элементарной причине: таким образом эти приматы могут организовать свои дни вокруг ясного и понятного состава индивидуумов. Это довольно неплохая гипотеза, хотя и не вполне убедительная. Я склонен думать, что сообщества дают этим животным больше, чем в настоящий момент известно ученым. Как бы то ни было, бесспорно одно: жизни бонобо тесно связаны с их сообществом, как и у шимпанзе, саванных слонов и луговых собачек, пятнистых гиен и афалин, а также других позвоночных животных, таких как флоридская кустарниковая сойка и живущие в раковинах цихлиды.

Один психолог сказал о людях, что, как следствие нашего эволюционного прошлого, наше «ощущение личной безопасности и уверенности» сильнее всего, когда мы принадлежим к группе, которая воспринимается как отличающаяся и обособленная от чужаков⁷⁶. Это утверждение может быть справедливо и по отношению к любому числу животных, которые зависят от обеспечения и защиты со стороны партнеров по сообществу. На самом деле большая часть жизни сообщества связана с тем, как его члены взаимодействуют, обеспечивая возможность для активных перемещений внутри сообществ и между ними. Такие перемещения являются важнейшим фактором, определяющим социальную эволюцию видов, в том числе человека. Этот фактор мы и рассмотрим далее.

---

⁷⁴ Зурбек и Хохманн показали, что бонобо иногда действуют вместе, чтобы поймать крупную добычу (Surbeck & Hohmann, 2008).

⁷⁵ Hare & Kwtuenda (2010).

⁷⁶ Brewer (2007), 735. 3. В движении

3

В движении

Наш «лендровер» резко затормозил (да так, что его чуть бросило вперед) из-за того, что мы заметили нечто удивительное – гиеновую собаку, наострившую уши, похожие на спутниковые тарелки. Я не мог сдержать волнения: группы этих охотников редко встречаются здесь, в Ботсване, и вообще в Африке южнее Сахары. Гиеновые собаки живут в стаях, поэтому другие особи должны были находиться где-то поблизости. Тем не менее эта гиеновая собака была одна и поэтому волновалась. Она сделала несколько шагов, потом остановилась, издала громкий крик «хуу», прислушалась, снова крикнула. Через несколько секунд после третьей попытки мы услышали ответ ее сородичей из стаи, и самка немедленно направилась в их сторону, передвигаясь прыжками. Минута тряски по ухабам – и наша машина оказалась среди множества диких собак, полусонных и прыгающих, рычащих, фыркающих и играющих в плотной группе, окружившей нас.

Очевидно, что сообщества предоставляют преимущества, которые одиночное существование дать не способно. Но то, какую форму принимают эти преимущества, имеет непосредственное отношение к движению. Характер перемещений членов сообщества и их размещения в пространстве определяет взаимоотношения между особями и группами. Для гиеновой собаки или обезьяны оказаться отдельно от сородичей из своего сообщества – это чрезвычайная ситуация наподобие пожара третьей категории. Например, если сурикат, слишком увлекшись поеданием скорпиона, не заметит ухода своего клана, то этот копуша будет издавать звук, сигнализирующий о том, что он потерялся, до тех пор, пока не услышит ответ и не воссоединится с другими. Тревога суриката связана с риском, что хищник или враг воспользуется его бедственным положением и нападет. У лошадей тоже может начаться паника из-за появления жеребца или из-за отставшей вместе с жеребенком кобылы. Заблудившееся животное может подняться на возвышенность, чтобы увидеть свою группу, и сразу же спешит ее догнать.

Так происходит не во всех сообществах животных: для представителей других видов находиться на расстоянии друг от друга – это обычное положение дел. Характерным примером служат луговые собачки, которые рассредоточены по своим холмикам, по две или по три особи на каждом, откуда они ежедневно отправляются на поиски корма. Их норы остаются на месте из поколения в поколение. Самое удивительное при таком расселении – это динамический характер кочевой жизни. У таких видов, для которых характерно слияние и разделение, члены сообщества там и сям временно собираются в социальные группы, которые формируются, распадаются и снова формируются где-то в другом месте. Поскольку большинство животных редко должны находиться в непосредственной близости, в какой-то степени слияние-разделение можно выявить в сообществах почти любого биологического вида. Тем не менее слияние и разделение – это обычное поведение лишь немногих видов млекопитающих⁷⁷. Сообщества пятнистой гиены, афалины, бонобо и шимпанзе редко сосредоточиваются в одном месте. У других животных слияние и разделение зависит от условий: стаи волков и основные группы саванных слонов разделяются, если так проще найти корм. Слияние-разделение кажется чем-то относящимся к области эзотерики, но есть множество причин посмотреть на такой образ жизни. Виды, для которых характерно слияние и разделение, включают практически всех разумных млекопитающих, которые вызывают такой восторг у антропологов, изучающих гипотезу «социального мозга». Что наиболее существенно, к таким видам относится и *Homo sapiens*.

⁷⁷ В отличие от Аурели с соавторами (Aureli et al., 2008) я не вижу особой путаницы в том, что касается видов, к которым применим термин «сообщества со слиянием-разделением».

Животные, принадлежащие к сообществу со слиянием и разделением, перемещаются так, как лучше всего для достижения ими социального успеха. Проще говоря, здесь начинают действовать социально развитые индивидуумы. Перемещаясь почти без ограничений, такие животные обладают преимуществом выбирать себе спутников и проводить время с пользой в компании друга или своей пары и в то же время освободиться от соперников. У пятнистых гиен подобное освобождение требует усилий: для этого вида характерна конкуренция с рождения, иногда приводящая к летальному исходу. Наблюдая за животными в Кении вместе со специалистом по гиенам Кей Холекамп, я восхищался тем, как щенки резвятся около логова, пока не осознал, что объектом, который они использовали для игры в перетягивание каната, был труп их товарища. Как только детеныши подрастут достаточно, чтобы покинуть логово, они разбредаются в пределах сообщества в поисках союзников, а ко всем остальным членам клана приближаются с опаской.

Свобода передвижения предоставляет возможности для усложнения социальных взаимодействий, а также приносит пользу, когда становится трудно поддерживать личные отношения. Появляются альтернативы, недоступные для животных, живущих «лицом к лицу», как, например, обезьяны, у которых нет иного выбора, кроме как постоянно оставаться вместе в стаде. Не нравится окружающая обстановка? Хитрый шимпанзе низкого социального ранга, вероятно, найдет возможность улизнуть в тихое местечко на территории сообщества для частной встречи с самкой. Волк или лев могут тайком ускользнуть, чтобы наведаться в другую стаю или прайд, делая первый шаг к дезертирству: для перехода в другое сообщество иногда необходимо старательно вести такого рода двойную игру. Неудивительно, что представители многих видов, для которых характерно слияние-разделение, так сообразительны.

Слияние и разделение предлагает и другие преимущества. Рассредоточение на территории дает возможность для поддержания более крупной популяции, поскольку членам сообщества не приходится буквально карабкаться по головам, чтобы получить доступ к одним и тем же ресурсам. Представьте, что бы произошло, если бы все сообщество шимпанзе, состоящее из 100 особей, держалось одним плотным стадом: на земле, через которую они прошли, ничего не оставалось бы, и им приходилось бы постоянно передвигаться и драться друг с другом за каждый лакомый кусочек, подобно покупателям в «черную пятницу». Вместо этого шимпанзе остаются порознь, встречаясь во временных группах, называемых подгруппами⁷⁸, которые достигают больших размеров, только если животным удастся «сорвать банк», например попадется дерево, увешанное плодами.

У слияния-разделения есть и обратные стороны. Когда члены сообщества чрезмерно рассредоточены, на территорию сообщества могут вторгнуться враги и напасть на маленькие группы или одиночек без всякого риска для себя. Кроме того, меньше вероятность, что напавшие, до того как убежать, станут целью массивной контратаки. Подобное нападение, когда объектом являются всего нескольких особей, стало бы самоубийством, если бы атака была направлена на 100 или около того шимпанзе в одной подгруппе⁷⁹.

Если оставить в стороне угрозу нападения, рассредоточение индивидуумов означает, что животные в сообществе со слиянием-разделением способны лучше контролировать большое пространство от прохожих-воров, поскольку у сообщества почти везде есть глаза и уши. Может быть, именно поэтому шимпанзе никогда не пытаются совершить набег на плодовые деревья соседей. Для сравнения: сообщества животных, которые держатся вместе, редко знают о том, что на дальних границах их участка появился нарушитель. Например, павианы и гиеновые собаки, которые проводят свои дни поблизости от других членов стада или стаи, мало что

⁷⁸ См.: Гудолл Дж. Шимпанзе в природе: поведение / Пер. с англ. Е. З. Годиной и В. В. Свечникова. М.: Мир, 1992.

⁷⁹ Нападать на большие подгруппы трудно и хищникам, и врагам, хотя леопарды могут быть исключением, поскольку они не обращают внимания на попытки шимпанзе остановить их (Boesch & Boesch-Achermann, 2000; Chapman et al., 1994).

могут сделать с плутом-чужаком, навещающим дальний участок их территории. Таким образом, рассредоточение может помочь сообществу животных в защите большей территории.

Вместе или порознь

С позиции нашего человеческого восприятия легко утверждать, что для вида характерно разделение и слияние. Но при этом важно учитывать, что животные воспринимают пространство по-другому, и это зависит от их сенсорной чувствительности и того, каким образом они поддерживают контакт. Словом, не нам судить, находятся ли члены сообщества близко друг к другу или на большом расстоянии друг от друга. Описывая, с какими трудностями приходится сталкиваться павианам, южноафриканский натуралист Эжен Марэ назвал их жизнь «сплошным кошмаром и беспокойством»⁸⁰, но нетрудно представить, насколько усиливается их беспокойство из-за постоянного нахождения рядом. Данные GPS, полученные для одного стада павианов, подтверждают, что в одном конкретном месте, где они располагаются скученно, животные никогда не отваживаются отойти друг от друга дальше чем на несколько метров⁸¹. В действительности же, хотя павиан почти всегда знает о присутствии других, едва ли ему удастся ежеминутно отслеживать десятки особей в своем стаде. Большинство его сородичей часто оказываются вне поля зрения, поскольку исчезают у него за спиной или петляют вокруг кустарника. Так как зрение и слух у павианов ненамного острее, чем у человека, лучшее, что эти обезьяны могут сделать, – следить за теми друзьями, что находятся ближе всего, и догонять, когда те перемещаются. Когда так себя ведут все, этого должно быть достаточно, чтобы сохранить структуру стада.

Виды, у которых члены сообщества уходят друг от друга на гораздо большие расстояния, часто ассоциируются с превосходными сенсорными способностями. Слоны слышат звуки, издаваемые их компаньонами, на расстоянии нескольких километров. Хотя человеку может показаться, что пара отдыхающих под деревом слонов изолирована от тех, что поедают листья вне поля зрения, животные, постоянно издавая низкочастотный звуковой сигнал, рокот, поддерживают связь. Такая способность общаться на дальних расстояниях позволяет членам основной группы, находящимся далеко друг от друга, координировать свои действия⁸². Пусть слоны и разбредаются, но они (если только не уйдут очень далеко) могут знать о перемещениях друг друга больше, чем павианы в компактном стаде.

Таким образом, перефразируя известное выражение, близость – в глазах смотрящих (или ушах, или носах), и даже животные, для которых характерно слияние и разделение, могут запаниковать, если окажутся в настоящей изоляции. Исходя из вышеизложенного, для того чтобы действовать согласованно или, по крайней мере, результативно реагировать друг на друга, для членов сообщества имеет значение не то, насколько близко, на наш взгляд, они находятся друг к другу, а знание о местоположении других. Это может быть знание о ситуации на ограниченном локальном участке, как у павианов, или на гораздо большем пространстве, как у слонов. Члены сообщества находятся *вместе* до тех пор, пока они знают друг о друге.

Сравните слонов (которые разбредаются, но часто по-прежнему способны действовать как единое целое, потому что остаются «на связи» благодаря крайне высокой чувствительности их сенсорных систем) с шимпанзе, которые тоже рассредоточиваются. Обладая зрением и слухом, сходными с таковыми у человека, шимпанзе обычно способен воспринимать только тех особей, что находятся рядом с ним. В действительности сенсорные ограничения шимпанзе (во всех отношениях) превращают их сообщества в гораздо более фрагментированные по сравне-

---

⁸⁰ Marais (1939).

⁸¹ Стрэндбург-Пешкин, в частной беседе; Strandburg-Peshkin et al. (2015).

⁸² Bates et al. (2008); Langbauer et al. (1991); Lee & Moss (1999).

нию с основными группами саванных слонов. Если вдруг возникает опасность – появляется враждебно настроенный чужак, – только те шимпанзе, что окажутся вместе на этом участке, способны организовать защиту. Поэтому, хотя сообщество всегда рассредоточено на местности, шимпанзе проводят большую часть времени среди других особей в одной из рассеянных подгрупп.

Тем не менее даже в самых рассеянных сообществах со слиянием-разделением у животных обычно имеются некоторые средства, чтобы через определенные промежутки времени связываться с теми, кто находится не очень далеко. Пятнистые гиены кашляют и издают пронзительные вопли при любой провокации; шимпанзе поддерживают контакт друг с другом при помощи громкого уханья; львы рычат; волки воют. До тех пор пока существуют линии связи, особи не будут полностью отрезаны друг от друга⁸³.

Мы все еще изучаем, какая информация передается с помощью этих сигналов. Животные могут использовать их, чтобы уточнить местонахождение других особей и, соответственно, сообщить о своем, хотя некоторые звуковые сигналы могут служить призывом к действию. Львы могут созывать помощников, чтобы вступить в битву или отправиться на поиски добычи. До 60 гиен собирается для того, чтобы напасть на враждебный клан (это отталкивающее и очень шумное действие), и лишь немногие объединяются для охоты. Причем в этом случае итог может оказаться совершенно противоположным. Гиены устраивают такой гвалт, что зачастую привлекают врагов и все заканчивается дракой.

Среди звуков, издаваемых шимпанзе, уханье – самый громкий, разносящийся на пару километров. Этот сигнал обозначается звукоподражательным словом: ни один человек не издает подобных звуков в приличном обществе (если только вы не Джейн Гудолл, которая хочет произвести впечатление на аудиторию). Крик выражает возбуждение шимпанзе по поводу совместной прогулки, *командное приветственное «Ура!»*, которое укрепляет связи между самцами и помогает подгруппам поддерживать связь в пределах слышимости. При обнаружении плодов шимпанзе начинают иступленно ухать, привлекая других к любому месту, где много еды⁸⁴. Но именно уханье чужого сообщества приводит шимпанзе в настоящее волнение: они обнимаются, пристально смотрят в том направлении, откуда раздается шум, иногда издают соответствующие ухающие звуки в ответ⁸⁵.

Однако большинство территорий, занимаемых шимпанзе, достаточно велики, так что разделенные большими расстояниями подгруппы, вероятно, находятся вне пределов слышимости; поэтому на деле о ситуации никогда не знает все сообщество целиком и, конечно, не действует как единое целое. Для сравнения: бонобо образуют похожие подгруппы, но эти объединения крупнее, долговечнее и нередко все находятся на расстоянии слышимости. Активный обмен информацией может идти в рамках всего сообщества бонобо. Эта способность демонстрируется на закате, когда бонобо издают особые ухающие звуки, «гнездовое уханье», которые направляют всех к одному общему участку для сна. Приматолог Занна Клэй рассказывала мне, что, если подгруппа бонобо забредет дальше, где другие их уже не услышат, то эти обезьяны не издают «гнездового уханья», видимо зная, что они оказались сами по себе, но воспринимая это спокойно⁸⁶.

Возможно, когда-нибудь мы узнаем, что животные передают больше информации, чем мы считали. Луговые собачки Гуннисона общаются с помощью ряда сложных звуков. По-видимому, они способны издавать слегка отличающиеся тревожные сигналы: крик, скажем, при внезапном появлении в поле зрения бегущего человека в красной футболке отличается

⁸³ East & Hofer (1991); Harrington & Mech (1979); McComb et al. (1994).

⁸⁴ Fedurek et al. (2013); Wrangham (1977).

⁸⁵ Wilson et al. (2001 & 2004).

⁸⁶ Громкие крики бонобо выполняют сложные функции (Schamberg et al., 2017).

от крика при виде медленно идущего человека в желтом, или когда появляется койот, а не собака. Неизвестно, используют ли и если да, то как именно, эту информацию их маленькие собраты⁸⁷. Другие виды, возможно, общаются похожим образом, но мы пока об этом знаем мало. Может быть, воющий волк с дальнего расстояния передает инструкции своим сородичам в стае? Что-нибудь вроде *«мы здесь почуяли кровь врага – приготовиться к бою!»*.

А что же насчет человека? Далее в этой книге я буду много говорить на тему, касающуюся расселения нашего вида и значения этого процесса для появления человеческого интеллекта и наших обществ, но здесь дам краткий обзор. До появления земледелия, привязавшего человека к определенному месту, охотники-собиратели имели возможность рассредоточиваться на местности. Как и у других видов, такое слияние-разделение снижало уровень конкуренции в человеческом обществе и приводило к росту численности населения, которое земля была способна обеспечить. В то же время слияние и разделение позволяло каждому человеку выбирать, как и сколько взаимодействовать с другими отдельными людьми. Возможно, шимпанзе не способны извлечь все преимущества слияния, чтобы сблизиться с находящимися далеко членами сообщества, тогда как для людей осведомленность о состоянии дел друг друга, даже тех индивидов, что находятся вдали, стала ключом к успеху. Большинство людей в ранних обществах находились слишком далеко друг от друга, чтобы можно было докричаться, поэтому некоторые изобретения, такие как дымовые сигналы и барабаны, стали незаменимыми. Подобные средства имели ограничения, как и все методы коммуникации на расстоянии до появления азбуки Морзе, с помощью которой новости стали передаваться в реальном времени. В большинстве сигналов доисторического периода, вероятно, содержалось такое же количество информации, как в текстовом сообщении «Привет»⁸⁸.

Тем не менее ранняя летопись полна свидетельств о том, что охотники-собиратели поддерживали связь довольно хорошо, особенно в чрезвычайной ситуации. Гонцы, передававшие послания из уст в уста, вероятно, представляли своего рода курьерскую службу того времени: бег не был проблемой, поскольку человеческое тело создано выносливым⁸⁹. Благодаря таким средствам связи испытывающее жажду население собиралось у последней лужи, а кто-нибудь, наткнувшийся на добычу или врага, созывал других для пиршества или битвы. Во время одного из первых контактов европейцев с коренным населением Австралии команда голландского корабля 18 апреля 1623 г. похитила человека. На следующий день их ждала встреча с двумя сотнями аборигенов, размахивавших копьями: видимо, вести разнеслись быстро⁹⁰.

Меняющиеся привязанности

Сообщества закрыты, но не неприступны. Перемещения между сообществами необходимы для здоровья каждой группы. Без возможности перехода особей из одного сообщества в другое (редкие хитрые нарушители границы не в счет) популяция станет инбредной⁹¹, особенно когда сообщества маленькие. Саванные слоны обходят это затруднение благодаря свободно скитающимся самцам. Слоны-самцы проводят большую часть времени среди других самцов, держась ближе всего к одному-двум самцам-приятелям. Не привязанные к основной группе, они спариваются с теми самками, которых выберут (но редко без драки с другим самцом). Однако в большинстве случаев в состав сообществ позвоночных животных входят взрослые особи обоих полов. У таких видов переход между сообществами может быть обязатель-

⁸⁷ Slobodchikoff et al. (2012).

⁸⁸ См., например, Thomas (1959), 58.

⁸⁹ Bramble & Lieberman (2004).

⁹⁰ Evans (2007).

⁹¹ То есть все потомство будет появляться в результате близкородственного скрещивания (инбридинга). Длительный инбридинг, как правило, приводит к снижению жизнеспособности и плодовитости потомства. — *Примеч. перев.*

ным шагом на пути к достижению зрелости. Молодые животные могут быть исключены из сообщества, в котором родились, поскольку члены сообщества, знавшие их еще детенышами, избегают их как брачных партнеров. Для приматов характерны различные модели расселения, связанные с полом. У горных горилл и ряда других видов приматов особи обоих полов могут уходить из родного сообщества. У других видов перемещаются только особи одного пола. У гиен и многих обезьян сообщество покидают самцы; у шимпанзе и бонобо – самки, хотя некоторые самки шимпанзе остаются там, где родились. В более позднем периоде жизни животное может опять переместиться, если его статус настолько низок, что его выгоняют или оно уходит добровольно. Самки гиен не только избивают самцов, но и быстро теряют интерес к вновь прибывшим как к половым партнерам, заставляя многих самцов попытаться счастья в другом клане.

Иногда животное какое-то время живет само по себе, прежде чем найдет новый дом. В действительности может быть трудно получить одобрение нового сообщества: для вступления существуют серьезные препятствия, обеспечивающие сохранность обособленных границ. Сильная особь может сначала прокладывать себе дорогу в группу насильственным путем, затеывая драки с теми представителями того же пола, которые рассматривают ее как соперника в борьбе за брачных партнеров внутри сообщества. Однако, для того чтобы получить постоянное членство в группе, может быть необходимо заслужить одобрение и со стороны противоположного пола. Поэтому вновь прибывший самец павиана прокладывает себе путь в новое стадо, вступая в драки с местными самцами и налаживая отношения с самками. Самка шимпанзе, желающая стать членом сообщества, обычно впервые появляется, когда она готова к спариванию (во время эструса). Такая стратегия привлекает свиту из самцов-поклонников – они защищают ее от других самок, которые, в свою очередь, предпочли бы прогнать соперницу.

Даже в таком случае, после того как самку шимпанзе примут, ей придется соперничать с этими самками, так же как вновь прибывшему павиану приходится иметь дело с существующей иерархией самцов; благодаря собственной напористости и поддержке самок он поднимается на вершину. Такое обострение не встречается у видов, в которых новички заставляют прежних самцов покинуть сообщество. У львов и лошадей самцы держатся вместе с другими холостяками, пока не заслужат место в сообществе, как правило, изгнав живущих там самцов. Они могут это делать не в одиночку: два или более самца гиеновых собак, львы и иногда жеребцы могут объединяться, чтобы осуществить насильственный захват, и после этого, скорее всего, надолго останутся союзниками. Самцы кошачьих лемуров и похожих на павианов гелад, обитающих в Эфиопии, тоже поддерживают подобную мужскую дружбу. Но, в то время как гелад сохраняют связи, лемуры часто забывают о своем партнерстве, как только занимают положение среди других самцов стада.

В других случаях присоединение к новому сообществу – это скорее вопрос настойчивости, чем силы. Время от времени самка слонов переходит в другую основную группу, иногда после того, как ее члены неоднократно выгоняли ее. Самец гиены или самка обезьян держатся на периферии клана или стада и сносят нападки и жестокое обращение до тех пор, пока их присутствие не станет привычным и их будут терпеть. То, насколько легко вновь прибывшему удастся примкнуть к новому сообществу, может зависеть от сложившейся в этом сообществе ситуации. Стая волков обычно принимает одинокого самца только после его многократных попыток в течение многих дней или недель, если вообще принимает; но при определенных обстоятельствах волка-счастливчика могут признать почти сразу. Это было продемонстрировано во время наблюдений в 1997 г. за стаей волков в Йеллоустонском нацпарке: стая, потерявшая альфа-самца, которого убили люди, приняла одиноко блуждающего волка. Держась на расстоянии в течение нескольких часов, одиночка и стая по очереди выли, пока не оказались друг против друга. В конце концов молодому волку удалось растопить лед: он выбежал вперед, чтобы поприветствовать самца. Всего шесть часов спустя вся стая восторженно окружила новичка. Любой владелец собаки узнал бы их поведение: они виляли хвостами, обнюхивали

друг друга и играли. Несмотря на то что приемная стая год назад убила двоих его братьев, молодой волк сразу же стал новым вожаком⁹²

---

⁹² Stahler et al. (2002). 4. Индивидуальное распознавание

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.